

ОГИЗ • "МОЛОДЕЖЬ ГВАРДИИ" • 1931 Г.

36 СМЕНА

ЯПОНСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ КОЗЯЙНИЧАЮТ В МАНЧУРИИ

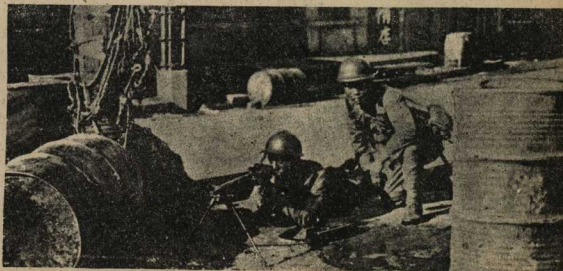
После боя под Тянь-цзинем. Перевозка раненых

Японский империализм, вступивший в полосу ожесточенного экономического кризиса, (колоссальная утечка золота, резкое сокращение вывоза, свертывание промышленности, банковские катастрофы и т. д.), не ограничивается одной Манчжурией, он расширяет оккупацию на весь Китай, он стремится заставить Китай подчиниться всем требованиям японских империалистов.

Разгорающаяся в Китае война грозит превратиться в мировую войну за новый передел Китая — один из первых этапов готовящейся мировой империалистической схватки за новый передел мира.

Японские войска на жел. дор. мосту.

Японские пулеметчики на улицах Муджена: обстрел китайцев.

смена 36

декабрь 1931 г.

литературно-художественный
и общественно-политический
настроиванный
журнал рабочей молодежи.
орган ЦК и МК ВЛКСМ.
и. о. отв. редактора осипов и.
адрес редакции:
москва, центр, б. черкасский, 8,
тел. 5-67-03.

образование б. проорокова
фототехнические процессы
под руководством и. соловьева

мы строим шли...я. цейтлин

Так было...
Сетанели нуши
На дремлю полушария Земли.
Сыбно-тифонные теплушки
Тогда во игле
На оцупь шая.

На оцупь,
Наугад шла осень
В огонь.

В заразу,
В бурелом...
Под топитом,
Под грохотом колесным
Гудел, не поддаваясь,
Червозем.

В глухих стенах,
В квадратах улиц
Решали все извержица:
Диктаторское право —
Булак,
Единственный закон —
Штыка!

Мы строим шли
Большими и тесными.
Мы забывали день и дом,
Чтоб победить в борьбе
За весию,

За хлеб,
За жизнь,
За червозем!

Товарищи!
Связь дым туманов,
Связь темень,
Связь литье зари
Как знак
Победа принесла нам
Незабитованные раны,
Чертоволок
И лустыри!

Но руки,
Но порыи,
Но клюют
Сердце, которых не сковать,
И мы, большешки,
По локоть
Заматывали рукава!
Брошкитый кашель
С горькойи врьесью
Ветром,
Лютующихи кругом.
И мы
У годола на привязи
Расваживали
Червозем.
Призыв и злоба

Подымали нас
Седим рассетом
На врага...
Эвоха Ленина и Сталина
Давно шумит
На миллионах га.
Товариш, вслушайся!
По транту
В аулы,
Села,
Зутора

Железным делегатом
Трактор
Послаа гудящий
Сталинград.

Всмотрись товарищи!
По простору
Цветьем брызжущихи шпрот,
Гремь, кохозная История
Машинной воступью
Иде!

Ее толкает илланови
Ударныхи вель,
Творящихи жизнь.
Дверь в завтра
Вышибаа с разгону
Страна,
Вступившая в социализм!

На сталинском металлургическом заводе строится одна из мощных домен проиваодятель-
востые в пятьсот тонн чугуна в сутки
Ударная комсомольская бригада т. Сиромолюкина за работой по монтажу дошны

президиум пленума ЦК КПС

ЗА Магнитострой литературы!

комсомола и ЦК КПС рука об руку будут бороться за произведения достойные нашей эпохи
(из речи тов. трюндко на пленуме ЦК КПС)

Товарищи, нужно прямо сказать, что дискуссия сыграла положительную роль не только для литературного пролетарского движения, но и для нас — комсомола. Мы никогда не допускали какого-либо замалчивания наших собственных недостатков, какого-либо замалчивания наших собственных ошибок. Этого никогда не культивировалось в комсомоле, и на этом никогда комсомол не позволит воспитывать молодежь, ибо комсомол предан линии партии, предан делу партии и руководит партии. Вот почему мы со всей приватой можем сказать, что в этой дискуссии с ЦК КПС у нас были крупные недостатки. Во-первых, мы поздно появились к литературному движению. Нам нужно было раньше повернуться лицом к литературе. Вероятно, это было одной из причин того, что форма нашей дискуссии никогда страдала излишней остротой.

Отсюда вывод, что комсомолу нужно развернуть начатый поход в литературу, по-прежнему занимаясь вопросами литературы, глубже в нее вникать и тщательно изучать. Но в то же время комсомолу надо и повышать свой голос во всей практике литературного движения. Я думаю, это права и обязанность от нас никто не сумеет отнять. (С места: «Наоборот, приветствуем!»)

Повторю, что дело это не без недостатков и с нашей стороны, в частности не без отдельных промахов, которые были у нас в «Комсомольской правде». Мы ни в коей мере не хотим смазывать наших промахов, недостатков, ошибок, связанных с помещением двух статей тов. Медведева, в которых содержался ряд грубых ошибок. Мы не хотим отрицать того, что в одной из наших статей дана неверная, несоответствующая действительности оценка т. Фадеева, оценка, страдающая явным преувеличением. Но как и нас, товарищи, нас главным образом все же интересуют не только эти ошибки и недостатки, которые имели место в процессе дискуссии, как элементы, я бы сказал, второстепенного, наносного характера, как не-

кая накипь, которая иногда бывает неизбежной в драке, хотя ее лучше избегать. Нам интересуют основные итоги. Нам интересуют основное существо споров. Основное существо наших выступлений были правды. Правильна была с нашей стороны критика отдельных антимарксистских ошибок, совершенных некоторыми тт. из ЦК КПС в вопросах творческого порядка. ЦК комсомола и редакция «Комсомольской правды» убеждены, что наша критика в вопросах перестройки, а также в вопросах борьбы с рядом антимарксистских установок, несмотря на частные промахи, указанные мною, была правильной. Я имею в виду, когда говорю об антимарксистских установках, также и ряд творческих, правда, иногда выходящих за пределы творческой дискуссии, положений, дозогов и формулировок, связанных с вопросом некорректного отношения к классикам (догнать и перегнать буржуазную литературу), связанных с вопросом расширительного употребления дозогов срывания масок (срывание масок, с объективной действительности вообще), связанных с культивированием в ЦК КПС ошибочного дозогов одемьянивания, а также с недостаточной критикой ряда ошибок т. Либединского.

Отдельные товарищи из ЦК КПС говорят о том, что мы были правы будто бы лишь в организационных вопросах, а что в творческих вопросах мы же были неправы. Этот разрыв при подведении итогов дискуссии — фальшивый разрыв, прикрывающий нежелание отдельных тт. признавать свои ошибки.

ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» совершенно ясно представляли и представляют, что никакой особой, отдельной от литературного пролетарского движения творческой линии у комсомола быть не может и не было, что ЦК комсомола и «Комсомольская правда» не являются и не могут являться по самому своему существу какой-либо творческой группой. И если нам иногда приходилось выступать организованно — как ЦК и ЦО комсомола — по творческим вопросам, то это объясняется только тем, что ряд антимарксистских высказыва-

ний, ряд ошибочных установок не был в достаточной мере тт. из ЦК КПС разоблачен. Правильность наших выступлений по этим вопросам подтверждена авторитетнейшими выступлениями центрального органа нашей партии.

ЦК комсомола и «Комсомольская правда» поручили мне заявить здесь товарищам из ЦК КПС, что сработанность между комсомолом и ЦК КПС может быть достигнута лишь на базе самой глубокой принципиальности, на основе безоговорочного признания и честного, последовательного осуществления указаний нашей партии по перестройке ЦК КПС, по развертыванию в ее рядах саморритики, острей своим направлением против всех и всяческих антимарксистских установок в литературе и литературоведении.

Именно отсюда вытекает задача при подведении итогов здесь на пленуме развернуть самую жесточайшую критику совершенных в ЦК КПС ошибок. Причем не нужно заниматься пустыми заклинаниями, аллюдицией, декламацией по поводу совершенных ошибок — это никому не нужно. Не нужно заниматься и самосочинением. Эти обе крайности для нас неприемлемы. «Мы требуем, большинства отношения к своим ошибкам. Нам нужен разбор этих ошибок, глубокий анализ их, вскрытие корня ошибок, объясняющий их. Нам нужно развернуть такую критику ошибок, для того, чтобы воспитывать движение, чтобы его унять, чтобы предупредить рецидивы отмеченных партий ошибок».

И задача проходящего пленума состоит прежде всего в том, чтобы не только декларировать об ошибках и недостатках, но и дать развернутую критику этих ошибок, чтобы на данном этапе нашу дискусию завершить и двигаться дальше. Между тем нам лишь есть оспаривать фальшь, опасность политичности, опасность некоторой договоренности, а ее быть не должно. Мы с вами прекрасно понимаем, что такое массовое движение, каковым является ЦК КПС, не может быть свободно от отдельных элементов, не повинных указаний партии, жадных и из-за своего отношении какого-то рванца, и пр.

общий вид пленума РАПП

Это выражается в частности в таких настроениях, когда не хотят полностью признавать и разоблачать ошибки, желают сгладить прошлые дискуссии. Против всяких элементов фальши, недоговоренности, против всяких элементов отговорок по отношению к указаниям партии мы должны, с вами рука об руку очень жестоко бороться. Если бы мы допустили смазывание итогов дискуссии, смазывание партийных директив, то мы оказались бы неспособны выполнять те задачи, которые перед нами стоят. Я должен прямо сказать, что отдельные нотки, которые звучали в некоторых звеньях РАПП, в частности в последних номерах журналов, вышедших уже после дискуссии и после указаний партии, внушают ЦК комсомола, внушают редакцию «Комсомольской правды» серьезное опасение. Нам кажется, что методы работы «по-старому», которые применяются еще в районных журналах, могут послужить лишь заместителям, затрудняя совместную работу с комсомолом. Между тем мы от вас требуем — и думаем, что такого рода требование вполне закономерно — совершенно ясного понимания, что без совместной работы РАПП с комсомолом невозможно разрешить задач, перестройки литературного пролетарского движения, задач постоянного нашей партии. Вот почему надо безжалостно изгонять и разоблачать все элементы попытки возобновить прошлую дискуссию между РАПП и комсомолом вместо того, чтобы, подведя итоги этой дискуссии, двигаться дальше.

Я хотел бы здесь проиллюстрировать эти замечания реваншистские тенденции одним примером. Недавно т. Кирьянов помещает статью в последнем номере (22) журнала «Рост», где буквально все авторы, пишущие и пишавшие в «Комсомольской правде», поделены под рубрику литфронтовцев и актировщиков (сюда попал и Овлад). На кого только не поспешил наклеить ярлыки не терпящей критики и жаждущий реванша т. Кирьянов. Я могу перечислить все список. В частности в него попал т. Трифонов,

член ЦК ВЛКСМ, выступивший лишь на тему о том, что нужно развернуть критику комсомольской очерковой литературы. За эту т. Кирьяновым дикторщином и вульгаризатором. Если это называется перестройкой, работой по-новому и желанием работать совместно с комсомолом, то тогда что же называется, тов. Кирьянов, фальшью, лицемерием и системой отговорок? (Голос: «Он перестарался»). Очень жаль, что он перестарался, но будет еще более жаль, если подобное старание не встретит нужного отпора со стороны руководства РАПП. Мы требуем, чтобы такого рода методом был положен предел, так как они мешают совместной работе комсомола и РАПП. (Аплодисменты).

Итак, товарищи, нет сомнений, что отдельные реваншистские настроения могут быть и есть в отдельных звеньях РАПП. Задача наша состоит, во-первых, в том, чтобы, будучи чрезвычайно принципиальным, борясь за принципиальную выдержанность наших позиций, устранить всяческие заместители, мешающие деловой, контактной работе комсомола и РАПП.

Во-вторых, нам нужно — и на этом будет проверяться в значительной мере контактная работа комсомола и РАПП — обеспечить в самой практической работе дружные совместные выступления РАПП и комсомола. «Комсомольская правда» сейчас объявляет развернутый слоган творческой продукции молодежи, где отражена борьба, жизнь и быт широкой массы молодежи, должен принести широкий размах. Он может принести широкий размах только при нашем активном участии. Он может иметь успех только при тех условиях, если равносильное движение свернуть до конца совсем выключится в эту работу и за этим пленумом последует практическая развернутая работа всего районного дви-

жения. Мы еще недооцениваем всего значения этого практического мероприятия, которое может вылиться в чрезвычайно большой акт, полезный и оздоравливающий многие звенья РАПП. Если буржуазная литература в угоду своему классу для воспитания молодежи в духе укрепления капитализма создала в литературе целую плеяду своих молодых героев, то ведь наша пролетарская литература решению такой же задачи — задачи со, или нашего молодого героя — еще не пришла. Пусть издаваемая при «Огоньке» «История молодого человека XIX века» будет живым уроком пролетарскому литературному движению в том, как умела работать буржуазная и помещичья литература для воспитания молодежи в своем духе, и пусть это будет крупнейшим толчком для создания генеральных произведений, отображающих молодых героев нашего социалистического строительства, беззаветно борющихся под руководством нашей партии за социализм — таких героев, таких собираемых типов нашего социалистического строительства, по которым будет равняться наша молодежь, на которых она будет воспитываться. В этом крупнейшая задача и того слогана, который мы начинаем. Слоган должен быть точком, чтобы в недалеком будущем галерея наших молодежных героев появилась на страницах пролетарской литературы.

Товарищи, наша совместная работа должна строиться на базе строго принципиального, самого добросовестного и последовательного проведения в жизнь указаний партии в деле перестройки РАПП, на базе развернутой и яркой непримиримой борьбы с антипарламентскими, антиинженерскими тенденциями в литературе и литературоведении, на базе большой практической совместной работы РАПП и КСМ. Наш контакт должен привести к тому, чтобы пролетарское литературное движение быстрее смогло осуществить ту задачу, которую партия вручила РАПП: создать Магнитогорск литературы, создать произведения, достойные нашей величайшей эпохи (Аплодисменты).

об очередных задачах перестройки РАПП

из резолюции по докладу т. л. авербаха на пленуме РАПП

□ Вступление страны в период социализма поставило перед всеми организациями рабочего класса задачу перестройки форм и методов их работы. Перестройка РАПП проходила и происходит недостаточно. Указания партии на недостаточность развития самокритики в РАПП, на наличие элементов администрирования в работе, на частное игнорирование в практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией, указания на необходимость изжития всех этих недостатков проводились в жизнь неудовлетворительно теми темпами, не всегда последовательно, с рядом ошибок. Между тем в РАПП с особой силой должна быть развернута борьба за большевистское содержание и большевистские темпы перестройки в связи с превращением РАПП из одного из кружков в массовую организацию, объединяющую всех пролетарских писателей, в организацию, являющуюся основным проводником линии партии в литературе, в ведущую организацию всего фронта пролетарского искусства, в организацию идейно воспитательного характера, в организацию, которая должна заниматься производственными вопросами своей области.

Такая перестройка РАПП являлась и является одним из важнейших условий борьбы за преодоление отставания пролетарских писателей от задач, ставящихся перед ними современным этапом классовой борьбы пролетариата, заканчивающего в обстановке нарастающего подъема широкого революционного движения построение фундамента социалистической экономики СССР, покрывшего СССР сетью новых социалистических предприятий и гигантов-новостроек, из страны мелкого и раздробленного частно-собственнического хозяйства деревни создающего страну крупного социалистического земледелия. Такая перестройка РАПП являлась и является одним из важнейших условий борьбы за преодоление отставания искусства от возросших требований читателей, требующих, все более растущих в связи с величайшими темпами культурной революции, в связи с победоносным наступлением диалектического материализма во всех областях знания.

□ Последняя литературная дискуссия и выступление комсомола (речь т. Косарева) являются свидетельством остроты задач перестройки и необходимости немедленного поворота РАПП к методам работы по-новому. Защищая правильные творческие позиции, руководство РАПП не поняло, что объективным смыслом дискуссии является законное недовольство ленинского комсомола, как и всей пролетарской общественности, темпами и характером проведения РАПП в жизнь указаний партии о задачах пролетарских писателей и их организаций. Последняя литературная дискуссия, обнаружив со всей остротой недочеты и ошибки в работе РАПП, приобрела огромное положительное значение для пролетарской литературы, она должна явиться решающим толчком для перехода к работе по-новому. На эти (как и на ряд других) ошибки РАПП правильно указала ЦО партии—«Правда» 24 ноября 1931 г. в статье т. Мехлиса, наметив перед РАПП задачи решительной перестройки ее работы.

Одним из основных выводов из дискуссии должен быть решительный поворот всей РАПП лицом к ленинскому комсомолу и налаживание действительной, дружной, совместной работы между комсомолом и РАПП.

□ Рост пролетарской литературы приводит к естественному различию творческих группировок, выражающих различные устремления пролетарских писателей к овладению диалектико-материалистическим художественным методом, различные творческие направления, различные тенденции к формированию творческих течений. Поворотом к творческим вопросам, созданием творческих группировок, развертыванием творческого соревнования и смюта, углублением творческой дискуссии— всем этим следует проверять производственный перестройку РАПП под углом зрения увеличения боевой роли литературы на службе практике рабочего класса, руководимого коммунистической партией.

Пленум считает, что суровая и последовательная самокритика, осуждение неправильных тенденций линии РАПП, от любых больших и маленьких ошибок являются непременным условием движения вперед. Полагая, что ни одна ошибка не должна оставаться

неразоблаченной и непровергнутой, пленум вынужден в обязанность предстоящему собранию разработать программу дальнейшей творческой работы РАПП, особое внимание уделить вскрытию всех ошибок, имеющих место как в работах основных работников РАПП и сводящихся прежде всего к известным доробинским влияниям, к во многом некритическому отношению к плехановскому наследству, к неполному преодолению влияния воровщины (Авербах, Фадеев, Либединский, Ерилов, Афиногенов, Селивановский, Сутырин, Динамов и др.), так и в работе РАПП в целом (например, ошибочный допуск «одемы-ливанова», ошибочная формулировка в дискуссии с Перевезяевым «за плехановскую ортодоксию» и т. д.).

□ Пленум считает, что важнейшими задачами перестройки работы РАПП в области теории являются:

а) Разгрузка кадров для серьезной теоретической работы.

б) Борьба с зачетничеством и нелюбовью к изучению фактов и материала, нередко подменяемому вульгарным цитатничеством.

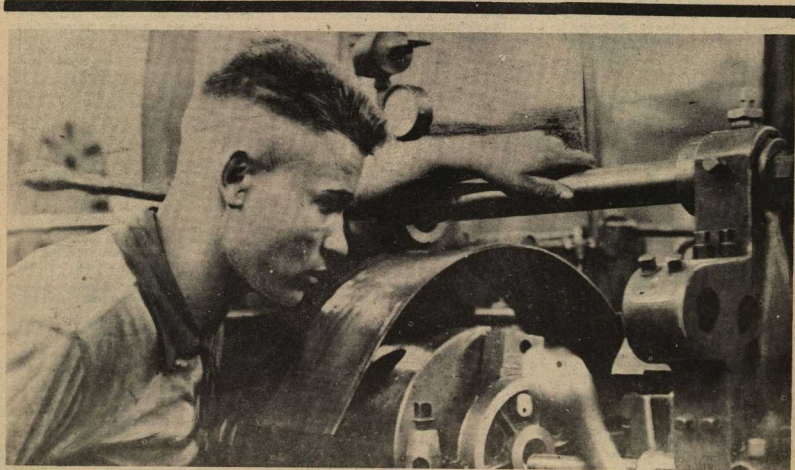
в) Больше планирование теоретической работы рапповцев и теснейшая увязка ее с Институтом ЛЯИЯ Комакадемии на основе изучения практических задач, диктующихся творчеством пролетарских писателей и всей работой РАПП.

г) Более тесная связь с другими пролетарскими отрядами на идеологическом фронте, прежде всего с ОВМД, борьба с цеховым замыканием в кругу вопросов искусствоведения, расширению круга теоретических запросов рапповского актива.

д) Усиление самокритики в качестве условия и предпосылки коллективизма в работе.

е) Развитие конкретной критики, повышение ее качества, устранение из нее элементов случайности, поверхностности, зашугальства, при непримиримой борьбе с критикой необъективной, продиктованной групповыми соображениями.

Эта перестройка должна происходить под лозунгом: «за партийность, за ленинскую литературную теорию»

Комсомолец т. Иванов («красный путловец»), лучший ударник производства, в смену выпускает 63—60 шестеренок против 40—45 шестеренок обычной нормы.

бригадиры темпов

из журнала
А. ПОЛТАВИНСКИЙ

1

Сквозь доски, как в щели вода, выхлестывает свист и хрип. Со бетонщиков массивные. Углый барак качает мощные их дыхания. Оно журчит десятками струй. Тени ступаются в углубах и омылают потолок. Шестидесятичетырех лампочке скучно охранять сон барака.

Но однообразная и печальная вода втекает в грохочущее единую сна. Скрипит топчась, человек перепорочивается, с остервенением комкает подушку: человек перепорочивается в сотый раз. Валюхменная голова подымается из-под одеяла, и сонный голос говорит:

— Сид, Гавриил Васильевич! Скрипюж, брат, сон сбивается... Не может спать товарищ Марусин. В голове у бригадира тяжелые мысли. Сегодня утром бригадир Марусин пришел к пробраву Литвиненку и сказал:
— Дайте оправдаться перед рабочим классом!

Желанный фронт, о котором мечтали так долго, наконец был готов. Дождитесь жюлюбы пахнувшей сосной опалубки ткнулись на десетки метров, как банджики, а в глубине застыли в напряжении стальные прутья арматуры, готовые схватить бетон. Бетонщики—несколько бригад—ходили вдоль линии этого фронта, пряча менту о новом мировом рекорде. Бригадир темпов Марусин, славу которого затмил вчера своим рекордом Дюбанов, напряженно всматривался в каменное лицо пробрава. Он чувт слышно просительно ловит пробрава.

— Дайте оправдаться перед своими хлопцами... Я говорю вам: дзюбановичи дати 265, но мы дадим 300, потому что нет сна терпеть нам такую муку!

И пробрав отдал фронт марусинцам. Марусинцы вышли на линию основных бандидажей и стали к трамбовкам, чтобы оправдаться перед всем миром. Ровно в четыре часа над промостом возникли тучи цементной пыли, грохот щебня и рев бетономешалки. Победа была близка. Она вставала призраком в цементном шкавале и дружелюбно улыбалась бетонщикам. Марусин, спокойный и чопорный, не спеша обходя фронт и говоря друг другу:

— Ребята, не дрейфи! Сильней нажимай! Слава за нами. За пять с половиной часов мы дали 227 замесов...

Гаврило Васильич, оглянулся на мигуенью! По пяткам за тобой крадется тень катастрофы... Точная стонет. В тусклом свете шестидесятичетырех лампы барахтается человек, которого душат беспощадные воспоминания. Прелая гвоздь, жалкий, шарвыный восьмидесятилетний гвоздь, забитый нервно и загнущийся под непрерывным ударом плотника.

Под гремящим напором гвоздь не выдержал, опалубка разошлась, одна доска потянула другую, и серый бетон проскочил предательским рывком из фундамента. Так родился прорыв.

Укладчики замеры, пораженные предательством малюхного гвоздя. Плотников, скорее плотников! Немедленно залатай опалубку! Где плотники?! Плотников нет. Плотники кончили работу и ушли.

И здесь подад голос второй предатель. Грубый, неогосанный, он исчез с фронта в самый критический момент, обрекая бетономешалку на голод.

— Шебяги! Шебяга даешь! Почему нет щебня! Барабан сделал несколько замедленных оборотов и стал.

На площадке Промстроя упала тишина. Марусинцам не суждено было обогнать Дюбанова. Дюбанов в эту ночь мог спать спокойно.

2

Вести о рекорде длинноноси. Обгоняя ветры, перепрыгивая через дужи и штабеля, мчатся в разные стороны вести о новом рекорде: — Мовлевыч на литейном дерутся за «306»! Нет людей на строительстве, которые не были бы втянуты в борьбу за рекорд.

Имя Марусин—марусинец—носит гордо, как титла, ибо это имя, изрбуживаемое в срэдченках, стало почетным. Марусин давно выдвинут в десятники. Бригадир его бригады являются один за другим. Но если вы «марусинец» называете иначе, вы обидите их.

Мисягин тоже давно выдвинут в десятники. Но он крепко связан со своей бригадой. Фамилия нового бригадира—Шевченко. Эта бригада поставила знаменитые «258». Но их обогнали мовлевычи, бывшая бригада Осокина, старого ветерана, еще осенью тридцатого соревновавшегося с Марусиним и Мисягиним.

Старого бригадира Осокина поставили заведующим столовой. Бригада Мовлева, потев и людя, дрались за первенство. За спину остались непонятные крики поара и зной тарелок. Осокин мчался к литейному в одной жилетке, подставляя ночную прокладку неяркую лохмотую голову. Старый бригадир прибежал зыпыхавший, стал, как все, к бетономешалке и работал, как все, выполняя команду нового бригадира Мовлева. Утром, когда «306» были даны, упоенный и расстроженный победой Осокин повел всю бригаду в столовую и устроил ее праздничным завтраком.

Но вест о «306» случалась во все двери. Двери барака марусинцев распахнулись настежь, и тут суматохи вырвался оттуда в ночь.

— Эй, бригадир, беги к бетономешалке! Нельзя же доводить нас вырвать у нас победу. Беги, лети, бригадир!

Старые рабочие, заслуженные марусинцы, Покровский и Литвиненко, последние на переквалификацию, приехали в барак, засидевшие гранулы вест о новом рекорде. Честь вскормившей их бригады была в опасности.

— Беги нас, бригадир!—кричали они. — Ставь нас на работу, того же не может быть, чтобы марусинцев обогнали! Скоро марусинцы возьмут ревалш—452 замеса будут их.

3

Марусин и Мисягин были друзья. Они сидели сейчас перед нами, эти «испорченные».

Вспоминали, как марусинцы поймали наконец норостивую судьбу за хохлу, вышли на теудач и, обогнав Мовлева, ударили «452».

— Помню я,—сказал Мисягин,—когда Марусин для героики свои 452 замеса, я ходил тогда, как ошелевший, и ничего не мог соорудать. Карусь! у меня в голове была какая-то. Спрашиваю у меня, который час, а я отвечаю все свое: «452».

Они прошли в тридцатом году путь свой рекорд—эти соперники, подталкивая и поддерживая друг друга. И вот они сидят рядом. Их объединяет сейчас мечта обогнать поставленный комсомольским батальоном на участке литейного завода рекорд—301.

Строительство Харьковского тракторостроя шло одновременно на трех крупных участках—механо-сборочном, литейном и теплоэнергетическом. Три огромных эгих «участковых» самолета вбирали в себя самолеты отдельных бригад.

— Нет, мы обогнали литейный!—говорит Мисягин.—У нас козырь старше—мы придумали новый конвейер, техническое усовершенствование. Мы же на ТЭЦ с Гавриилом Васильичем начали. Нам здесь и кончать. Справедливо?

Мисягин прав. Зимой тридцатого, в лютое морозы, когда турки припилили ке железу и собственным трудом бетонщики отогрели замерзший цемент, ТЭЦ согревала деревья меча двух бригадиром.

— Дать 180, потом дать 250!

Морозы стояли перед ними стеной. Ветры бросались с разгону, обледа бетоношвы с флангов. Дудяки В т дни, высоко на лесах, как в боевой рубке флагама, стояли долноработники ударного наступления. Партийный комитет уверено и четко вел строителей на штурм суровой зимы, и под ледяной канонадой бетонщики не дрогнули.

4

Часы бесстрастно разматывают пружину времени. 4 часа 40 минут.

Барабан бетономешалки выдвигает и с грохотом начинает вращаться. Первый замес с бетоном, визжа, промчится над головой, как снаряд.

Комсомольский батальон Сидоренко штурмует свой пятый рекорд. Это последний рекорд. Сегодня удаляется последний кубометр бетона в литейном.

5 часов 00 минут.

Темп внят. За первые двадцать минут бетономешалка вырбросила 40 замесов. Замерс продлжается 30 секунд.

тов. сидоренко

тов. марусин

Старая теория утверждала, что, для того чтобы сделать замес, нужно затратить три минуты. Это были времена исторического бетонирования. Потом минуты подорожали. Технические горизонты раздвинулись. Десятки тысяч опытов было проведено в Германии и в Америке. Результатом опыта был вывод: после пятидесяти секунд перемешивания прочность бетона увеличивается очень медленно. Таким образом, выдвигается добавка больше цемента к замесу, чтобы получить продукцию в кратчайший срок.

Выгоды такие:

1. Загружаем машину. Полностью используем механизмы.

2. Поднимаем производительность труда. Машина тянет за собой человека.

3. И главное: выигрываем самое дорогое для нас — время. Даем темп.

Итак, вместо трех минут, которые требовались на выработку бетона во времена его божомощного детства, вместо двух минут его немецкого прекурсорского отрочества, мы поставили и держим 30 секунд на замес — цифру полной бетонной зрелости.

5 часов 25 минут.

Техник-комсомолец Гехман, готовясь к последнему соревнованию, придумал хорошую штуку. Он обшил планками вал лебедки. Вал стал толще. Скорость поднятия бункера возросла...

— Надавай!

У подюжак высокой серой машины спенился в борьбе за темпы усовершенствованный бункер и разъяренные загрузки. Они дрались, они тнудли друг друга. Техника сомкнулась в строю с агуллизмом.

Первый час дал 109 замесов.

5 часов 40 минут.

У подюжак бетономешалки вспыхивает тревога. Наскоро произведет арифметический подсчет: 109 х 3 = 327. Эта цифра не сходится с той, которую таят в секрете и о которой пока не хотят говорить.

Загрузки с яростью ускают темп.

6 часов 00 минут.

Бетономешалка гонит бетонную густую кровь по артериям стройки. Ковши мчатся, догоняя друг друга. Их тнудит по подвесным рельсам на канатах бегуны. Фронт укладки бетона развернулся на 800 метров.

Спринкут ковш, вырывается дальше. Он делает круг и возвращается обратно к бетономешалке. Ковш, ведомый на привязи, как послушная собачка, скачет за ним. Железные свань соргатаются от его удара.

За восемь часов бегуны, разносящий бетонную густую кровь, пробегает пятьдесят верст. Второй час дает—118 замесов.

6 часов 55 минут.

Дружные Мовлев, ты здесь? Ну, как же, разве могу ты пропустить эту торжественную ночь! Еще вчера ты арадас здесь со своей бригадой за 300 замесов. Ты разгромил Дзюбанова, ты подошла на обе лопатки Швецкино и Цацкино.

Ты честно завоевал почетнейшее право рапортовать сессии ВЭЦНК о победах своей бригады.

И в эту ночь ты снова здесь. Ты хочешь изучить опыт бригады Сидоренко, чтобы обогатить потом его. Что? Ты не веришь, что они могут перекрыть твой рекорд?

Третий час дает 109 замесов.

8 часов 30 минут.

Мимо бетономешалки вихрем пронисится «папаша» Тимошкин, любимый техник комсомола. Он востроженно смотрит на огромный серый вал щебня, разразаюно машет рукой и мчится к ближайшему телефону.

В чем дело, что случилось?

8 часов 40 минут.

Подходит Сидоренко. Он утирает с лица обильно выступивший пот и сообщает: — 450 откачали за четыре часа. Думка есть! Мовлева перегоним. На 1040 натянуь бы! На каждую МТС по замесу...

1040—легендарная цифра. О ней ли мечтали messi нашего? Бригада Зозуля на литейном дала 501. На подинок с Зозулей вышел объединенный комсомольский батальон Коложолыцева, Дзюбанова, Коробкина и Шевченко под руководством Марусина. И паровь заговорилич был: «318. Чтобы каждому у Шенку третьего, режущего по замесу! А в конце смены хронометраж провозгласил: — Стоя, 543!»

А сегодня паровь—1040...

9 часов 10 минут.

Так вот почему так востроженлся «папаша» Тимошкин! Широкий фронт щебня, поднятый, как окаменевший прибор, катастрофически

мелет. Где щебень? Над головами все реже висят снаряды бетонных ковшей.

Снарядов нехватает. Бетономешалка шекает зубами от голода. Ковши ценнее.

Где щебень? Барабан сотрется в последние мучительных судорогах. Тачечники звереют от нехватки щебня и, подбирая крохи, скрежжут лопатами.

Рекорд в опасности. Где же щебень, порт Зельман?

На площадке ровно ложится спол лучей. В строй вступает первый проектор... 9 часов 11 минут.

Подпрыгивая на стыках и успокоительно пофыркивая, крошечный мотовоз подкатывает ашкель щебля.

К бетономешалке бегут с укладки трамбовщики разузнать, что случилось. Почему такой радостный крик? А, привели щебень! До конца смены 213 минут. Паровь «1040 не снит с порядка ночи. Между тем на учетном батаде пока что записано всего 500 замесов.

10 часов 30 минут.

Могучие проекторы заливают светом площадку. Бетон забойливо пелелает в железную арматуру. «Папаша» Тимошкин, на мгновение успокоившись, закуривает папиросу и рассказывает историю того, как батальон Сидоренко пришел к сегодняшней штурмовой ночи.

Батальон Сидоренко поставил четыре рекорда: 402, 501, 621, 801. Сегодня батальон хочет уйти со строительства с новой цифрой. 11 часов 20 минут.

Мовлев инженером расстался со своим портфелем, к которому он все никак не мог привыкнуть, забыл о нем и даже кондуктивно сел на него. В голове у него бродят великие мысли.

Мы сидим на крыше сарая, в котором хранится цемент. Здесь, повернувшись спиной к прекрасной июньской ночи, замерли в напряжении хронометражисты. Они считают секунды, фиксируют каждое движение бетонощиков. Завтра отдел рационализации расшифрует хронограммы. Тогда будут, как на ладони, успехи и поражения сегодняшнего генерального сражения.

Мовлев рассказывает о том, как работает его бригада на Крамштамстрое. У него в бригаде все партийный и комсомольский. Бригада напосовину состоит из татар, людей, которые звереют на работе. И здесь Мовлев подходит к самому сокровенному. Он говорит о том, как он акукает книжечку по бетону и ищаймет инженер его учить. Мовлев хочет пожать за цинорет науку и стать ученым бетонощиком.

11 часов 55 минут.

До конца смены остается час. Сверху видно, что внизу нем-то сильно недохватывает. Навверх караблается Сидоренко. Он пошатывается от усталости. На лице белеют жирные пятна бетона, чуб расстрелялся.

— В чем дело?

— Засыпался!

— Сколько?

— Мовлев настраживается.

— Стыдно говорить—855.

Что с Мовлевым? Личо его серо, как порландский цемент. Он ошдлет от неожиданности: за час до смены—855? Но, половецте, ведь его, Мовлева, мировой рекорд—835! И Мовлев, забыв портфель, камнем падает с крыши, на ходу вынимая заветный блокнот.

— Я поеду, я разузнаю подробно, у них на загрузке 50 человек работает!.. Сидоренко стоит, понурич голову. Он абсолютно не удовлетворен сегодняшним темпом.

12 часов 30 минут.

Через десять минут смена. Через десять минут будет записана цифра нового мирового рекорда.

Бетонный прибор грозно хлопает в ковшы. — Быстрее!

Осталось десять минут.

12 часов 40 минут.

Конец.

Тачки стругились у бетономешалки. Сколько? — Девастьсот тридцать семь! Сидоренко мзуро улыбается и машет нам рукой.

— Досада! На тысячу сорок не вытнудили. Нехватка бдаей погубила!..

— Жаль, эх, жаль!

Приглаший Мовлев отымает нас в сторону: — По секрету: приезжаю в Краматорскую, ставлю рекорд, даю по всему свету молнию: бригада Мовлева дала 1000!

тов. зозуля

тов. мовлев

тов. мисягин

четыре плавки

Г. ТРАВИН

Первое августа—дата, которую помнят все комсомольцы завода имени Томского. В этот день официально была признана комсомольской мартеновская печь № 4—четвертый мартен. Все сложные организмы мартена перешли в комсомольские руки. Вот почему смелый инженер, сталевары, подручные, газовщики, канавщики, катаны, подмастерья кричат—все великовозрастным молодым, и темновисные очки не могут скрыть розовых лиц.

Печь называется теперь:

«Мартен имени английского комсомола».

И поэтому-то сталевар ходит около печи, как мойдодол отец овод, и колбасит первенца, и потеет и холодеет за судьбу сорочатонного «младенца», лежащего там, в ванне, в жару, не предусмотренном металловедом, поднимающемся до 1800 градусов.

Разговор с сталеваром прерывает, оравочек. Здесь не место церемонной вежливости. На площадке парень поворачивается к собеседнику спиной и, показав высоко подобранный крутой затылок, устремляется к печи. Приподнявши металлическим прутом дверь, прикрывая рукавной лямой, он заглядывает в ее соплообразное нутро. Жар в этом царстве зноя тогда иногда может быть опасен. По шесту головок (труб, подающих газ и воздуху) надо наблюдать, не грозит ли продукт своду. По кипению металла надо угадать степень его готовности и—главное—надо «попасть в анализ», т. е. сверить сталь определенного химического состава. Есть о чем побойтаться!..

Комсомольская печь, да еще имени английского комсомола—это обыватель. Это дело чести всего заводского комсомола. И, понятно, не только четыре сталевара-комсомольца ходят около нее, как привороженные. «Ухаживают за ней конечно больше, чем за девчатами бравые ребята из заводского комитета комсомола. У какой девушки найдется столько ухажеров?..»

В сентябре комсомольский мартен имени английского комсомола завода имени Томского должен был стать на ремонт. На такой ремонт мартеновская печь становится после определенного числа плавков. Вся верхняя часть печи разламывается и кладется заводу. Обычно на эту работу уходит восемь суток.

Восемь дней, когда один день стоит десяти. Это слишком длинный срок. Комсомольский мартен требует новых темпов.

Так рождалась мысль о комсографке. У кого зародилась эта мысль? У затковца, у сталевара или у катанца? Вернее всего, то была подлинно коллективная мысль. Окончательное свое оформление она получила на бюро заводского комитета 18 сентября. Это тоже историческая дата и историческое заседание. После этого заседания—обычного, молодого, пережигающегося шутками, смехом, беззастенчивым балаговством—кто обвинил бы мексиканских комсомольцев в несерьезности, в легкомыслии, свойственном юному возрасту? Здесь была проявлен максимум серьезности и предусмотрительности. В легкомыслии можно было скорей упрекнуть администрацию, которая, назначив начало ремонта печи на 21 сентября, не заготовила всех необходимых материалов. Решение администрации, как никогда негодное, комсомольцами—отменили.

Тут не было нарушения единоначалия, все было сделано достаточно законно и систематично: просто администрация сообщила мнение бюро, и она не могла не согласиться, что комсомольцы правы.

А на бюро было постановлено:

«Начало ремонта комсомольского мартена отнести на 24 сентября. Взять на себя обязательство доставить требуемое количество кирпича первого сорта.

Ремонт провести по комсографке.

Закончить до 24-го всю подготовку к ремонту».

После пяти декад работы комсомольцев на четвертом мартене администрация склоняла была уже поверить в силы комсомольского актива и, составляя график работ на ремонт мартена № 4, вместо обычной цифры 8 поставила 6. Окончить ремонт в 6 суток вместо 8—это уже значило значительно нововысить темпа на 25 процентов. А комсомольцами этого было мало. В комсографке они выставили цифру 4, соответственно сократив сроки выполнения работ, входящих в график.

В кабинете начальника мартеновского цеха заросший бороной шептилкой худощавый инженер жаловался полшуту, полусерьезно:— День и ночь в цехе. Побойться некогда. Жена разлюбилась. Вам молодаяж—то! Ухаживаете за своей печкой, вам и гора мало.

Всплые глаза инженера смотрели сочно и устало. Потом глаза эти расширились: выкатились: комсомольские цифры расширили их удивлением. Поводивши носом по бумаге, словно обнюхивая эти дерзкие молодежные цифры, инженер прорывал:

— А вы знаете, что за границей (в Германии, например) на ремонт печи тратится шесть дней?

Нет, комсомольцы этого не знали. Но они ничуть не смутились своим незнанием:

— У нас не Германия!—сказали дни многозначительно.

— В том-то и дело: у нас не Германия!—повторил инженер. Слова были одни и те же, но мысли разные. Мысль инженера, может быть, даже не оформившаяся в настоящую мысль, выраженную словами, шла в таком направлении: «У нас еще не германская техника, где же нам обогатить в этой области Германию? Мысль комсомольцев была ясна и просилась на язык: «У нас не Германия, где тушатся домины, где работают на капиталистов. Значит, у нас можно сделать то, что не делают в Германии. Даешь комсографку!»

Можно сделать—это еще не значит, что сделать легко! Можно, связавшись с комсомолом динасового завода, сделать помощь в доставке перворотного угнеупорного кирпича. Можно расставить комсомольские посты на транспорте, чтобы продвигать материалы без задержек. Можно мобилизовать комсомольцев всего завода на подсобные работы...

Но класть мартеновскую печь—на это нужны высококвалифицированные каменщики, а таких в среде комсомольцев пока мало. Значит, дело сводилось к тому, чтобы расплатить своим энтузиазмом старых беспартийных каменщиков.

Созвали общее собрание каменщиков, и лучшие комсомольские ораторы доказывали, как важно для завода и для всего СССР пролить комсографку. У ораторов застучало сердце, несмотря на привычку ко всяким выступлениям:

«Что-то скажут старички?!»

Перед загадочно молчавшими «старичками» ребята потели больше, чем перед жарким мартеном.

Когда дело дошло до цифр комсографки, тут началось крепкое обсуждение. Цифры обсуждали, обмозговывали, прикидывали так и этак, припоминали случаи из практики, вытаскивали со складов памяти отдельные случаи очень удачного быстрого выполнения той или иной операции. Перебирали эти случаи, и постепенно становилось ясно, что из рядов таких случаев, которые в общем не имеют в себе ничего необычайного, может сложиться и целый такой удачный график, как из хороших кирпичей складывается свод печи.

Если будет все представлено вовремя...

Если кирпич будет хороший... Если...

Комсографка был принят, но все стариковские «если» были предупреждены комсомольской подготовкой. И даже сверх того: на фабрике-кухне в особом комсомольском котле варились ударные обеды для ударников ремонта—вкусные, дешевые, без очереди и даже в кредит. Кроме того премии за сокращение сроков работ и комсомольские званые передовой бригаде!

В эти дни рождалась смелая стенная газета «За темпы». Она вывешивалась против развалин мартена, обгорающего из пепла, рядом с комсографиком, начертанным на огромной доске...

И вот в стеннике появилась первая радостная заметка:

Приняв снисно-встречный план, вчера бригада Беляева закончила поломку свода вместо 8 часов по заданию за 4 часа.

Это была не только поломка свода, но начало поломки комсомольского графика, которому суждено было и в дальнейшем «мататься»—весело и победно.

Руководитель другой смены, мастер Володецкий, сунул на заметку глубоко сидящие строгие глаза с тяжело нависшими веками, морщил крупный нос и таинственно шептался со своим десятником. Молодеватый десятник Храпыкин лихо расправлял пушистые усы, подмигнул вышумлым, огненным глазом и пошел готовить работу со своими «ребятишками», в числе которых были такие, что шамк а, как столетние в разговоре, но не шамкали в работе.

«Старички» Володецкий подлажались—и здорово затрещали цифры комсографки.

Опалубку выбросили за полчаса вместо двух. Подтяжку болтов на колоннах закончили за 2 часа вместо четырех. Поделали столбы и подняли воздушно пролеты за полчаса часа, чего раньше никогда не было. Сами делали и сами дну давали! Красное знамя комсомола завоевала бригада Володечкина. Ремонт был закончен в 3 суток. На 25 процентов был сокращен даже космограф. А вы говорите—Германия! По свежим, еще дымящимся следам энтузиазма и искал героев-каменщиков. Они с удовольствием предавались воспоминаниям о трех комсомольских днях, которые потрясли цех и завод.

— Никогда так не работали ранее! Хорошо было. Работашь ударно и чуешь, что ты ударник и что есть о тебе потому забота. Обеды, завтраки сытные, и ситро, и лимонад, что дошь. А все комсомол постарался.

Заводская газета «Домна»—маленькая. И редакция крошечная: вся умещается в миниатурном карточном домике. Мало писали маленькой «Домне» о большой победе комсомольцев. Разрозненные, отрывочные заметки не обобщали прекрасного опыта. Скупю пишет «Домна» и о дальнейшей борьбе комсомольского мартена.

Заметки из «Домны»:

«Комсомольский мартен № 4 включился в бой за четыре плавки.

В 6 час. 30 мин. сталеваром Тишиным пущена первая плавка, которая варилась 7 час. 50 мин. 2-я плавка пущена в 2 часа 30 мин. прочи—за 8 часов. За две смены комсомольцы с мартена № 4 дали 2 1/2 плавки.

Сталевар Рытиков, Тиши, Заплатников и Новиков имеют уже опыт борьбы за четыре плавки, и сейчас этот опыт необходимо применить в повседневной работе.

Сейчас комсомольский мартен № 4 имеет все возможности добиться регулярного дуска четырех плавков.

Сменно-встречные, взаимопомощь, согласованность в работе верха печи с низом, борьба с простоями, внимательный уход за печью—все это, помноженное на комсомольский энтузиазм, должно обеспечить выпуск четырех плавков.

Сталевар Заплатников стоит лицом к лицу со своим мартеном и ругается. Мартен опустошен, мартену стыдно своей пустоты: из-под опущенных дверей пробивается багровая краска стыда. Образовалась яма, надо ждать, пока она зашкаует.

Вчерашним днем Заплатников тоже недоволен. Задано на вчерашний день было 108 тонн, а выполнено только 70. Вот тебе и четыре плавки!

— Почему же так получилось?
— А вот послушай... Я тебе все объясню. Сварил я плавку за пять с половиной часов. Позвал мастера. Смотрит. Сталь, что надо. Все хорошо, а канва не готова. Пускать некуда. Как же тут гнать? Гнать, выходит, нельзя. Долго горячую сталь держать в ванне—может быть авария.

— Кто же работает на канаве? Комсомольцы-то там есть?
— Есть комсомольцы. Да дело не в рабочих. Один штат на три печи. Вот нехватает. Приходится горячие еще брать...

— А что же заводоуправление? Принимает меры?
— Пока ничего не выдать. Может быть, на бумаге что и делает.

Где-то есть, говорят, новые изложения. Но их не решаются брать.

— Ну, а что же вы сами-то не нажимаете на администрацию?
— Кабы не нажимали! Как какое собрание, так и говорим за это. Хотя собрание и не производственное, все равно начинаем за свой небольшой вопрос говорить. А там говорят, что это не по существу...

Ребята катали подвозят вагонетку. В ней измельченная руда. Сероголубые куски меряют, тая в себе сумрак шахты.

— Контуй!—командует Заплатников.

Вагонетку опрокидывают на пол. Руда сыплется в горку, выхлывающая клуб пыли, быстро оседающая.

Завалочная машина, подхватив длинным хоботом корыто, со скрипом глубоко вдвигает его в печь и там опрокидывает; обратно корыто вытаскивается раскрасневшимся. Щербатые края его, как лепестки роз.

Заплатников ругает завалочную машину.

— Задержала плавку сегодня!—кричит он.

Через несколько часов сталевар повторно ругает канаву:

— Плавка готова. Сварилась в два часа, а теперь сколько? Опять задержка за канавой!

Заплатников бежит к печи и что-то говорит ребятам. Двое ребят хватают лопаты, третий налегает на противовес, поднимая дверцу. В золотой жар летит голубой град руды.

Заплатников тоже хватается лопату и, хотя это не входит в обязанности сталевара, бомбардирует печь рудой и камнем: молодым мускулам его нужен размах. Множитель, о котором писал «Домна», в комсомольском энтузиазме имеется в достаточном количестве. Дело за множителем. Производство—четыре. Плавки—дело чести заводского комсомола.

СТИХИ И. МИТРЕЙКИНА

рис. в. васьилева

Обнаженный король

ГУВЕР

Волшебные слова «проскрипт»
Король надел и вышел несмысл.
Варут кто-то крикнул: Смотрите!
Король-то голый!»

«Рабочий» вождь Незогрешный!
Надломил! Надломил!
Под либеральным балаганом
Ты—брошированный балкан
На потной ленте Болдуван!

Пакт Келого—это пакт.

Япон в Манчжуи—это факт!

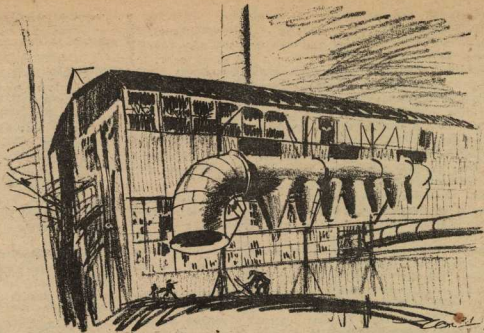
Он кричит с великим возмущением,
Но с мирной светской!
«Мы против войны! За разоружение...
Страны советские!»

МОТОРНЫЙ ДРУГ

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

Электровоз продольно сверлит газом,
И сторонится «пары» по бокам.
Прощайте, шахты шубинских! рассказов!
И в добрый час, приятель мой глазастый!
Пришел, стальной помощник горняка!
Пожон тебе от наших горняков.
Забойщики сказали: «Долго здравствуй,
Моторный друг, скажу-электровозу!
Ты не одну минуешь разминкою.
Твой путь широк и двинуть далеко...»
Отбойник взял наизготовку
Ударный взвод отборных горняков.
Приход твой был большим трудом отмечен,
С железною пришлось попеть.
Смотри, сюда тебе возает навстречу
Подземный танк—железная Д. Т.
Конвейер ждал желанного прихода.
Электровоз нас двигал на добрую.
Вчера ребята, нагузав породы,
Стадион «санки»—бросили в «забуту.
Коник мой! Когда лойдешь в колхоз ты,
Дружко, жди там тракторных машин—
И, как как мне здесь, весело ирорки...
Забойщики сказали: «Долго здравствуй,
Моторный друг, скажу-электровозу!
Ты не одну минуешь разминкою.
Твой путь широк и двинуть далеко...»

1 Шубки, из-старую махтеркинскую воевал, отгадали в руде дельца, чурта, подземного ховлана—домого; о нем согласился в шахтах разные ужасы, изложил, выложил.

Я видел их мертвые головы уиттнер чемберс, перевод а. абрамова

Уиттнер Чемберс — один из американских пролетарских писателей, журналист, сотрудник коммунистической газеты «Дейли Уоркер», автор цикла ряда рассказов, печатавшихся в журнале «Новые массы», органа молодой пролетарской САСИ.

Наш народ — инци, и земля наша — гола. Мы живем средн гор.

Сосны на склонах Северных гор зеленые, а на вершине — черные. Три таких черных сосны стоят посреди нашей деревни. Много веков назад были принесены они ветром с вершины Северных гор.

Медленная река омылает наши рисовые поля, и зовется она рекою Мира. Раньше, в детстве, я знал, почему. Теперь не знаю. Другом моего раннего детства был Ван Ган-чи, а другом моей юности Тан Кай.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, я был уже крепок и силен. А урожай в этом году был плохой. Сборщики налога не оставили нам ничего.

— Что же мы будем есть? — плакала отец.

Чинповня губернатора смеялся.

— Я не знаю, — говорил он.

— Вы — игри! — кричал отец им вслед, когда они оставили наш дом и ушли к соседу. Их гаварь остановился в дверях и оглушася.

Но Фу Фу-ма дерула отца за рукав.

— Смотри! — сказал он. — Ошибиться легко, а расплачиваться будет трудно.

Он успокоил отца и привел его в дом. Фу Фу-ма был самым старым и мудрым в деревне и был только воду. Мой отец всегда говорил мне в детстве, что мы были обязаны только бедности и уму Фу Фу-ма тем, что люди нашей деревни оставались в живых, когда уходила сборщики налога. Я уважал и лючил Фу Фу-ма. В этом году сборщики налога были свирепе, чем обычно, так как губернатор провинция вел войну и нуждался поэтому в рисе. Между желтым и зеленым, между старым урожаем и новым наша деревня голодала. Я тоже голодал. Я, сильный и крепкий, стал слабым и хилым. Деревня лежала голодная, в морозах, в снегу. Ночью мы лежали на соломе на полу, но не спали. Когда наступило утро и исчезла ночная тьма, мы продолжали лежать молча, вставая редко и незлобно. После того как умер его отец, Ван Ган-чи пришел и лежал с нами.

Несмотря на холод, Фу Фу-ма ходил от дома к дому и ободрял людей. Он подолгу и ласково беседовал с умирающими.

Сидя у наших ног, он однажды сказал:

— Снег и наводнение, жара и голод — великое наше зло. Мы сеем и ухаживаем за полями, поливаем их и строим дома, чтобы защитить себя от этого зла. Но оно сильнее нас. Только дух наш сильнее, чем голод и наводнение. Дух сильнее, чем наше тело. Дух сильнее, чем смерть.

— Уйди, — сказал Ван Тан-чи.

Я был поражен, во-первых, его непочтительностью, а во-вторых, что он впервые открыл рот за три дня и три ночи.

— Он болел, — сказал Фу Фу-ма ласково, поднялся и вышел.

Однажды Тан Кай, мальчик из нашей деревни, подвергся нападению большой стаи ворон. Он был беднейшим из нас. Он громко кричал, сражаясь с птицами, и крестьяне поспешили ему на помощь. Он был наполовину мерта, когда птицы, напуганные толпой людей, улетели с хриплым клетком.

Тан Кай лежал на снегу. Его левый глаз был выклеван птицами. Их когти оставили на щеках его огромные шрамы. Но он поймал одну птицу и придержал ее ногой, пока боролся. Ее нашли под ним, когда подняли его, лежащего без чувств от слабости и боли.

Крестьяне тут же свернули ей шею, и каждый старался оторвать кусочек. Прежде чем Тан Кай очнулся, птица была съедена. Его глазная впадина долго не заживала. Но, хотя его дом был рядом с нашим, я никогда не слышал оттуда ни одного стога. Когда снег начал таять, было решено отпустить ходоков к помещику попросить немного риса для сева. Звали его Ченч Си-хоу, и жил он на востоке, за первой из гор.

Самые крепкие из нас, человек двадцать, отправились. Вместо моего отца, который был очень слаб, разрешили пойти мне и Ван Ган-чи. У каждого из нас на ремне висела деревянная чашка для риса.

Снег на горах был сырой и глубокий; иногда мы проваливались в него по шею. Мы шли медленно, сбиваясь, как чумные крысы.

С нами Лю Чи-бао, старый человек, очень ослабевший от голода. Когда он время от времени отставал от нас, кое-кто задерживался и помогал ему.

Мы добрались до дома Ченч Си-хоу около полудня.

— Сидишь над нами и дай нам рису, — сказали мы. — Мы умираем с голоду.

— У великого Шен Ча нет рису, — ответил нам его слуга, встретивший нас на пороге. Великого Шен Ча нет здесь. Страна полна попрощек. Мы родилим им все излущки.

— Рису! — стогади мы. — Мы умираем!

— Великого Шен Ча нет здесь, — равнодушно повторил слуга. — Нет риса. Идите назад, пока я не прикажу прогнать вас. Мы побрели обратно, не говоря ни слова. Но Ван Ган-чи оглушнулся и увидел слугу, все еще стоявшего на пороге.

— Может быть, он все-таки даст нам что-нибудь, — прошептал он, — ведь мы еще дети.

Он замешкался и толкнул меня в заросли высокой густой травы. Мы немного дождались и пошли опять к дому помещика.

— Нищие просят рису! — засмеялся слуга. Ван Ган-чи поднял свою чашку, и слуга наполнил ее. Больше риса не было.

Вид коричневых зернышек привел меня в ярость.

— Где мой рис? — закричал я.

Слуга засмеялся.

— Возьми свой рис у него, — сказала он, указывая на Ван Ган-чи. Я обомлел. Я понимался. Как волк, прыгнул я на Ван Ган-чи. Его чашка упала на землю, и рис рассыпался. Слуга посмеялся над нами и ушел.

Я был сильнее, чем Ван Ган-чи, но удивленный и расстроенный, он бросил меня на землю. В борьбе я поскользнулся, и он упал прямо на меня. Голова моя ударилась о землю и я потерял сознание.

Когда я очнулся, мы были одни перед домом. Ван Ган-чи стоял с чашкой в каждой руке. В каждую из чашек был насыпан рис, смешанный со снегом.

— Это твоя доля,—сказал он.—Мы принесем это твоему отцу. Мне было стыдно, я шел за ним покорно и молча. Когда мы перешли горы, стало тепло. Мы подошли к месту, где снег был утоптан, и увидели кровь на снегу, а в крови чье-то голое тело. Это был Лю Чи-бао. Большие куски мяса были вырезаны из его спины и ног.

Несколько дней спустя умер мой отец, оставив свое арендованное поле и бесчисленное число будущих урожаев, которые он должен был уплатить землевладельцу и ростовщикам.

На следующий год урожаи были хороши. Люди работали в полях день и ночь, кроме Тан Кай, ушедшего в армию, и Ван Ган-чи, скрывшегося неизвестно куда.

Хотя сборщики налогов зарили у меня рис за три года вперед, как всегда бывало в году хорошего урожая, я считал возможным жениться на А Чи, которую я любил с детства и которая любила меня. Фу Фу-ма помог мне добиться согласия ее родителей. А Чи работала со мной в поле до того, как родился наш первый младенец. На следующий год урожай был хуже. И на следующий—еще хуже. Снова и снова пришлось идти к ростовщикам. Вскоре у нас не осталось ничего.

Был жаркий день. А Чи снова ждала ребенка, и я работал в поле один, когда в нашу деревню пришли солдаты. Офицер их прошел немного вдоль канавы, обегавшей поле, и остановился.

— Иди сюда!—крикнул он мне.—Пойдешь со мной!

— Куда?—удивился я.

— В деревню!

Меня охватило подозрение, но все же я пошел с ним. Неподальку я услышал крики.

Десять молодых крестьян из нашей деревни стояли в ряд возле черных сосен. Позади и по бокам стояли солдаты. Я увидел А Чи, Фу Фу-ма и других крестьян.

— Одинадцать, чем моложе, тем здоровее,—сказал офицер и толкнул меня к стовшам.

— Зачем?—закричал я, сопротивляясь.—Зачем?

— Кучи для армии.

Женщины рыдали.

— Я не пойду,—сказал я. Я рванулся изо всех сил, но солдаты скрутили мне руки на спине.

— Нет!—кричал я.—Не пойду! Нет!

Тут фу Фу-ма дернула меня за рукав.

— Смотри,—сказал он,—ошибиться легко, а расплываться будет трудно.

Я вспомнил отца в тот момент, как фу Фу-ма увидел его, избавляя от сорсы со сборщиками налога. Больше уж я не сопротивлялся, безропотно позволив солдатам поставить меня в конец линии.

А Чи стояла на коленях, обняв нашего ребенка. Головы их были рядом. Глаза А Чи были устремлены на меня, но она не проговорила ни одного слова.

Я увидел фу Фу-ма, который разговаривал с офицером.

Было жарко, и сосны пахли смолой. Я выждал из них и впервые в жизни заметил, как с темных жестких ветвей торчали острые, как клинки, сухие мертвые сучья. Если бы я был счастливым, никогда бы я не заметил их.

Вскоре, как мы только присоединились к действующей армии, нашу деревенскую группу разделили по разным отрядам. Я очутился среди людей из других провинций, языка которых я не понимал. Но хотя мы большей частью молчали, а догадывался о мыслях и чувствах моих товарищей по тоскливому выражению их лиц. Мы несли одинаковые выюки и одинаково тосковали по родине. Первую ночь я думал об А Чи, но не пытался бежать. Я знал, что стража бдительно следит за нами. Пять человек было убито при попытке к бегству.

Так продолжалось все следующие ночи. Прежде чем наступало утро, кто-нибудь из нас пытался бежать, бывал убит. Многие даже предпочитали смерть.

Когда мы вступали в полосу огня, грохот пушек приводил меня в ужас. Я видел сцены умирающих. Но наш войска побеждали, и мы все двинулись дальше.

Я не был в родной деревне больше месяца, до той ночи, когда я наконец попытался бежать. Но часовой услышал шаги и выстрелил, ранив меня в руку. Я тихо вернулся на место и лег. Но я не мог спать.

В эту ночь кто-то подполз ко мне и лег рядом.

— Ты пытался бежать?—сказал он.

Я узнал его голос.

— Это было глупо,—продолжал он.—Глупо бежать поодиночке.

Мы должны образовать союз всех кули и уйти вместе.

— Ван Ган-чи—закричал я.

Он закрыл мне рот рукой.

— Тише,—прошептал он, страшно возбужденный.—Слушай, в этой деревне коммунисты организовали союз крестьян. Они прогнали помещиков и ростовщиков. Но Ченг Си-хоу вернулся с солдатами миян-туана и подожг нашу деревню.

— А Чи—закричал я.—Мои дети!

— Я ничего не знаю о них,—сказал Ван Ган-чи спокойно.—Бесполезно плакать и бесполезно надеяться. Нельзя больше думать о женах и детях, пока мы не одолеем таких, как Ченг Си-хоу.

— А Чи,—сказал я тихо, закрыв лицо руками. Раненая рука моя горела.

— Тан Кай вернулся,—продолжал Ван Ган-чи,—и увел многих крестьян в горы. Они напали на дом Чэнг Си-хоу и подожгли его. Там они нашли много оружия. Сейчас за Тан Кай пошл все крестьяне соседних деревень.

Я молчал.

— Не отчаивайся,—сказал он ласково и дотронулся до моей раненой руки. Я вскрикнул от боли.

— Ты ранен?—прошептал он и, разорвав свою рубашку, повязал мне рану. Потом тихо ушел.

Я видел, как он подползал то к одному, то к другому из нас и о чем-то долго и горячо беседовал.

Я знал, что А Чи была мертва, так как Ван Ган-чи не сказал ничего определенного. Я был неутешен.

Рука моя долго не заживала. Она скрючилась, как коготь, и ее держала твердой. Я таскал выюки и думал, что больше мне уж не убежать.

Вскоре после этого наш войска потеряли крупное поражение. Кули разбежались. Офицер пытался задержать нас. Тут я обезумел от ярости. Не помню, что случилось, но, когда я пришел к себе, у меня в руках был его нож, а он лежал мертвым. Я взял себе этот нож и флажку с водой.

Спустя два месяца вновь я смотрел на горы, подымающиеся над нашей деревней. Кругом трех черных сосен попеременно стояли наши дома. Один уцелевший, другие были построены вновь. Но там и сям торчали обгоревшие стены.

От фу Фу-ма я узнал, что Лин Туан убил мою А Чи и детей. В эту зиму мы жили, как волки. Только те, кто ушел в горы за Тан Кай, иногда возвращались назад и приносили нам немного пищи.

Я не пошел за Тан Кай. Весной я хотел вновь засеять свое поле, и фу Фу-ма, друг моего отца, убеждал меня остаться в деревне.

— Быть солдатом,—сказал он,—это последнее дело. Лин Туан—это тигр. Но Тан Кай и коммунисты—это дьяволы. Ты знаешь, почему была убита А Чи? Она стала коммунисткой. А это худо. Так как была ночь, я ушел от фу Фу-ма. Я шел по краю канавы кругом поля. Посреди поля я остановился. Здесь всегда рядом со мной работала А Чи. Вот из-за этого поля я и не ушел к Тан Кай.

Весной пришли солдаты, чтобы разгромить людей Тан Кай, зашедших в горы. Они наводнили нашу деревню. Офицер сидел за маленьким столом под черными соснами и допрашивал каждого из нас. Но даже те, кто не любил Тан Кай, боясь справедливости, возмездия коммунистов, ничего не сказали офицеру.

Я был страшно испуган.

— Тебе нечего бояться,—успокаивал меня фу Фу-ма.— Они знают, что ты не коммунист.

— Как они могут знать об этом?—спрашивал я.

Среди нас был мальчик по имени Лю Эн-тин. Он был с Тан Кай в горах и вернулся оттуда, чтобы принести нам немного пищи. Его спросил, был ли он с Тан Кай.

— Нет,—сказал он.

— Ты никогда не приносишь еды сюда с гор?—улыбаясь, спросил офицер.

— Нет,—сказал Лю Эн-тин.

— Ты коммунист,—сказал офицер.—Он хлопнул в ладоши. Позвали Лю Эн-тина бесшумно стал солдат с мечом в руках. Другой солдат стал рядом. Лю Эн-тин не видел их.

— На колени!—приказал офицер.

Лю Эн-тин стал на колени.

Улыбаясь, офицер кивнул головой. Лю Эн-тина связали за спиной руки. Тяжелый меч броснул в воздухе.

Солдат поднял голову Лю Эн-тина, держа ее за волосы.

— Наверх еел!—сказал офицер и поднялся из-за стола. Солдат прыгнул к земле одну из веток ближайшей сосны и насадил на сучок голову Лю Эн-тина. После этого он отпустил ветку, и голова мальчика оказалась высоко в воздухе. Солдаты отодвинули стоа, чтобы не запачкали его падавшие с сосны крупные капли крови.

Дня через два в сумерки ко мне пришел Ван Ган-чи. Фу Фу-ма, друг моего отца, был со мной. Ужас наполнил мое сердце.

— Мы были друзьями в детстве,—сказал Ван Ган-чи.—Позволь мне остаться у тебя на ночь. Я боюсь, меня убьют в эту ночь.

— Если ты останешься, убьют нас всех,—сказал Фу Фу-ма.—В горах бегают волки. Почему ты не идешь к своему однокласснику в горы? Я не хочу оставаться с тобой вместе.

И Фу Фу-ма поспешно вышел из дома.

— Слушай,—сказал Ван Ган-чи,—он пошел предать меня так же, как предал Лю Эн-тина.

— Нет,—сказал я.

— Да,—сказал Ван Ган-чи.—Это сделал он. Теперь я не прошу спрятать меня. Я не хочу, чтобы ты был убит вместе со мной. Я пойду к Таи Кай в горы. Прощай.

И он ушел.

Я был напуган и ждал. Потом, не в силах оставаться дома, я выбежал на улицу.

Ван Ган-чи тихо разговаривал о чем-то с часовым.

— Нет,—сказал солдат, дрожа от страха.—Нет, нет. Я оглянулся и увидел офицера. Позади него на небольшом расстоянии шел Фу Фу-ма.

Солдаты схватили Ван Ган-чи и потащили на конец деревни. Руки его были связаны за спиной. Все наши выбежали из домов—и мужчины, и женщины, и дети. Все волновались и спрашивали друг друга, что случилось.

— Земля и рис должны принадлежать крестьянам!—громко крикнул Ван Ган-чи. Все кругом смолкло.

— Земля и рис для крестьян!—закричал он опять изо всей силы. Его погнали вперед.

Солдаты привели его к черным соснам. Мы собрались кругом. Ему приказали стать на колени. Но он остался стоять.

— Слушайте!—закричал он.—Я умираю за коммунизм.

Его снова бросили на землю. Солдаты стали ему на спину колесами.

— Народ!—крикнул он.—Знай, что я умираю за ком... Он не кончил. Было уже темно, но я заметил, как сверкнуло в воздухе лезвие меча, и услышал сухой треск и стук.

То упала на землю голова Ван Ган-чи.

Я не зажег свет в своем доме. Я знал, в каком углу я зарыл тот нож, которым убил офицера. Я вырыл его своими руками. В других домах один за другим зажались огни. А я лежал в темноте с ножом в руках и ждал.

Фу Фу-ма ушел одним из первых, но я ждал, когда разойдутся все. Тогда я выпоиз на улицу.

Он дышал спокойно, более спокойно, чем многие старые люди, когда я подполз к его двери. Я нашел место, где лежал он, по его дыханию.

Умирая, он не издал ни звука. Может быть, только вздох. Так же бесшумно я выпоиз из дома и пополз к соснам. Я долго стоял под ними, и теплые капли крови падали мне на голову. В этот момент мимо меня прошел часовой. Я не имел намерения убивать его. Но он увидел меня. Тогда я, как кошка, прыгнул на него. Моя изуродованная рука заткнула ему рот. Четыре раза я ударил ножом ему в горло.

Мы тихо упали на землю. Я схватил ружье и побежал в темноте на север, в горы. Побежал мимо рисового поля, поля моего отца, моего поля. Но я не останавливался. Я бежал в горы.

— Таи Кай!—кричал я.—Таи Кай, Таи Кай!

Во тьме я споткнулся о что-то и, поднявшись, увидел лица людей, окруживших меня. Один глаз Таи Кай пристально глядел мне в лицо.

— Они казнили Ван Ган-чи,—сказал я.—Фу Фу-ма предал его. Они воткнули голову Ван Ган-чи рядом с головой Лю Эн-тина. Его кровь засохла в моих волосах. Я убил Фу Фу-ма и часового. Вот его ружье.

— Оставайся с нами,—сказал Таи Кай.

Фу Фу-ма был прав: дух сильнее, чем тело. Только не дух Фу-Фу-ма, а дух Таи Кай, дух тех, которых ничто не остановит на их пути, даже смерть.

Не кровь Фу Фу-ма вопнет во тьме, а кровь Ван Ган-чи. Мы скрывались в горах, отступая и наступая. Мы шли к победе по острым пикам гор.

ПЫЛАЮЩИЕ ПАГОДЫ

г. Кравченко

1

Над шестой главобитных сел
Выгнулись крыши пагод.
Дня, проехав, подождут частокла,
Ланой драконей лагуг.
В горное русло страна вросла.
Плещусь неустанно
Шезаворядками и промысла
Фалаган Гонлиада.
Снова по топи полям пагуг.
Патроганни воещия.
Черной молнией шовкет пагуг...
Волки детей в менщия.

2

Тысечестный сухой личман!
Медленным, червешным
Шагом волочит по лесу полян,
Землю чужую пашек.
Докик со зловония черенца
Серой стеною замкнут,
И шевелится эрчанн бойниц
Средневекового замка.
Пляхнут скелеты скринящих сох,
Морщится шкура пашек—
Старый тухао¹, играя в баньчох,
Льет голубиный хальшич.
Всплахи мною двенадцать му.
Горе мои колесам:
Осеюю долгием отдай ему
Я из двенадцати—восьем.

3

Отшельестая цветы вострая,
Ветер отхароводка,
И по-вербланки хребты мулов
Горбится шкурой селад.
Нервы поводед за рмяные клещ—
Селам пророчат чудо.
Синтся крестьянам шанхайский тич—
Неуловимый Чу Де.
Он эти нервы нити вплет
В новые флаги бунтоа,
Чтоб выходить из горщиных сел,
Узел венок распула,
Чтоб выломать из глухих лабуна
На гонимаях сабана
Руки беззастужные дубна,
Вяам, чуама, грабана...

4

Клячи отрезали сорок ла,
Резать осталось двадцать.
Чаще в тугой барабан земли
Стала подковык баять.
Над головой носился фалис,
Выпала грозди ягод,
И показала шеренгу фазс
Контурн дренных пагод.
Дрыкнет тухао. Громный храл.
Бродит по телу опад.
В маленькой фазсе батрацкая штаб
Делает бунт колоний.
Лопунам щекки массивных ворот.
Другую „Чис-ни-во-ман“².
Линьш. священикой силлеш метет,
Звонче гудковий тоном.
Скоро горячие звуки дин
Нолью великой лагуг...
Корчаться в судорогах огни
Синие крыши пагод.

¹ Дичман—сова.
² Тухао—помощник.
³ „Чис-ни-во-ман“—„Интернационал“.

— Мышь!
— Мы-мыш!!!
— Мы-ы-мыш!!!

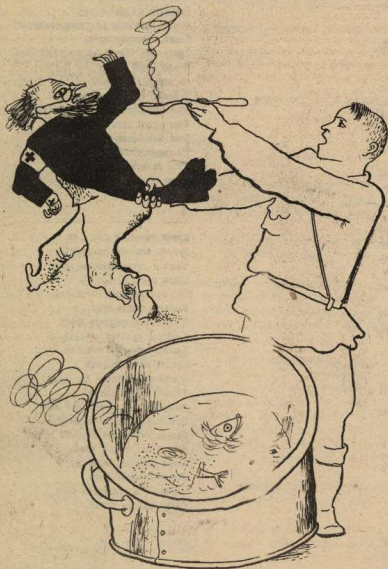
Молодая женщина вскочила со стула; в протянутой над обеденным столом руке ее черным маятником качалась большая разваренная мышь.

Люди потеряли мигом нити шуток, люди застучали тарелками, заржали, бросились со всех сторон к истерически кричащей женщине. Иные, более мнительные и нервные, сидели на своих местах с полуоткрытыми ртами, с повисшими в воздухе ложками, с глазами, устремленными на протянутую руку женщины.

Все это—минута. В следующую шестидесятую часа из двери конторки выбежали фигуры заведующего и старшего повара. Они взяли мышь, полсжали на стол, и...

... О, ужас! Мышь исчезла. Люди всматривались в комочек, лежащий на столе, но никак не могли признать в нем мышь. На столе лежал обыкновенный кусок коровьего мяса, завернутый в нити молчали.

Молодая женщина неожиданно умолкла; люди разочарованно отошли от стола, занимая свои прежние места.

обыкновенная история

лев ломберг

Было непонятно, почему рабочие Резино-асбестового комбината, так возмущавшиеся по поводу мнимой мышь в супе, вдруг успокоились, выяснив, что вместо «мышь, в супе оказалась мочала.

— Обыкновенная история,—махнул рукой заведующий и шмыгул обратно в свою конторку.

Старший повар, порозовев, распорядился подать женщине вторую порцию и, даже удыбавсь, пошел на кухню.

«Обыкновенная история» в супе, изготовленном в столовой № 2 Резино-асбестового комбината, дожидала свои последние дни. Мочала была висана в последнюю страницу безобразной истории общественного питания рабочих ударной стройки.

Вечером того же первого сентября в столовой инженерно-технических работников было вывешено такое объяснение:

«Вред!» все стояущие должны брать с собой хлеб. В столовой к обеду хлеб даваться не будет.

Один инженер расшифровал объявление так:

— Раньше мы сдавали в столовую свои карточки, и столовая закупала по ним все продукты и хлеб. На этот месяц столовая «по забыванию» договорилась с кооперативом о покупке хлеба по нашим карточкам. Теперь нам придется во время обеденного перерыва бежать с километр к ближайшему ларьку, простояв там до часу в очереди и, получив свой хлеб, снова бежать в столовую.

— Но ведь обеденный перерыв 60 минут?

— Да, 60 минут. Что ж, придется на полчаса опаздывать. Впрочем, на полчаса это еще очень хорошо.

В тот же день... Столовая № 3. Километровый хвост у входной двери. Это выстроился на ужин. Столовая откроется только через час, но люди приходят на час раньше, бросают работу, спешат занять очередь в столовую.

И в тот же вечер... Столовая № 1. Барабанный бой. Половина зала стучит ложками по тарелкам. Зал волнуется, проявляя свое возмущение более чем шумно. Официантки стоят, сложа руки, у своих столов. Им нечего делать. Они подали первое блюдо полчаска назад, его уже съели, а второе еще не готово. Нужно ждать. Нужно терпеть ценное рабочее время. Нужно превращать столовую в балаган.

— Чего вы меня спрашиваете? Обыкновенная история!

Обычная записная книжка приобрела от одного росчерка пера «для приказов» суровое, сверделовое величие.

Еще бы! На первой ее странице г. Сбоев, заведующий столовой № 2, начертал:

«Приказываю захвосту и помзау в боевом порядке выполнять все распоряжения партии и правительства».

Пишите, т. Сбоев, приказ! Пишите, бумага терпит, но... столовая № 2 в июне, июле, августе кормила рабочих обедом, средняя стоимость которого равна 9-10 коп. По отъезду рабочих, обед мало чем отличался от помоев, в то время как в магазине № 3, снабжающем столовую, были все необходимые продукты для улучшения обедов.

Секретаря комсомольской ячейки ЗРК Бурого искали около месяца и никак не могли найти.

Искали его коллективно—целой бригадой, искали его в одиночку—комсомольцы столовых и магазинов, искали его комсомольский комитет... Но Бурого на горизонте Резино-асбестового комбината не появлялся.

И не то, что Бурого умер, заболел или исчез. Ничего подобного. Он был жив, здоров и, даже никуда не пропадая, числился помозавом в столовой № 4. Однако комсомольский комитет никак не мог «упросить» Бурого притти.

В бригаде «Комсомольской правды» работали 34 человека—все комсомольцы-ударники. Когда бригада приходила в столовую, зав столовой ее любезно приглашала в ударный зал победать.

Но бригада, как и большинство ударников, от этого приглашения любезно отказывалась:

— Ничего! Побеждаем в неударной. Обед одинаков, только здесь его подают, а в ударном зале нужно стать за обедом в очередь. Так было до сентября, до месца штурма общественного питания и кооперации бригадами «Космопольской правды».

Люди, у которых глаза хронически близоруки, с малых лет привыкают к пошению очков. И очки настолько «врастают» в человека, что он без них не только не видит, но и не слышит.

Вот попробуйте спросить у санврача Фролова, страдающего хронической близорукостью, каково санитарное состояние и качество обеда в столовой № 3. Он обязательно переспросит вас, запишет и, чуть покраснев, шаря руками по карманам жилета, ответит:

— Простите! Я не слышу вас... Я без очков...

— И не слушайте, а пробуйте,—настаивает комсомолец Тихонов.— Попробуйте скорее, рабочие ждут вашего приговора.

Но санврач продолжает шарить по карманам, разсыпая очки.

— Наверное, в бараке забыл,—бормочет он.— Сбегать бы, а?

— Нет, не сбегать, а пробовать,—настаивает Тихонов.— Если вы не видите, мы вам ложкой подадим, сами нажорим вас.

— Скорей же дохтур,—вмешивается в разговор старичок-каменщик,—приговорить должон!

У Фролова умоляющие глаза. Они мечутся во все стороны, они ищут выхода. Но, оу! Фролова окружила бригада «Космопольской правды», в центре которой восемнадцатилетний Тихонов, рабочий асбестового завода, он же секретарь комсомольской ячейки, в третий раз повторяет:

— Пробуйте, товарищ Фролов! Рабочие ждут!

И Фролов пробует суп, только что общественно забраванный бригадой. Он делает два-три глотка, морщится, выражает свое возмущение по поводу скверного качества супа.

— Чем наша комсомолка меня кормит! Непроваренный горох, в теплой водиче и, кажется, грязный... и верно грязный...

Санврач Фролов прозрел! Он больше уже не близорук. Он видит без очков, что горох грязен и не промыт, он полагает сам ложкой в рот и без очков чувствует, что суп, собственно говоря, «непроваренный горох в теплой водиче».

Второе блюдо—судак, соленый и совсем непромоченный. Фролов не может пробовать:

— В горю не лезет!

— Пробуй, дохтур! Раньше не пробовал, комсомолов ждал, пока заставят... теперь пробуй!

— Да нельзя же, товарищ, есть нельзя... соленый.

— А нам не соленый? Скажи, нам не соленый?

— Не волнуйтесь, товарищи! Обед забраван! Вам дадут сейчас же другой!

Через десять минут рабочим был подан вновь изготовленный обед хорошего качества.

Первая общественная браковка обеда закончилась победой бригады «Космопольской правды».

И тут же собралась бригада обсудить, кто виновен в порче продуктов, в подаче обеда плохого качества. Долго спорили. Бригадник Тютиков обвинял старшего повара Ларниова обвиняла заведующего столовой. Борзов полагал, что виновен во всем санврач, не проверяющий предварительно качества обеды.

— Все правы, и все-таки,—говорил последним бригадир Тихонов,— все-таки больше всех виновны мы. Мы-то контролируем столовую,

какие продукты ей присылают, как она их использует и как использовать нужно?

— Что ж, выходит? по-твоему,—возразила Дудкина,—мы за работу в цехе отвечать будем да еще за разговор в ответе?

— Нет, братишка, загнинешь,—начал нараспев Тютиков, но его перебила дежаванта, строгая Ларниова:

— Или работать самим или отвечать бояться, на поваров да на врача надеяться, водичку лезать.

— Пожалуй, ахидит, Тихонов прав,—зачесал Борзов.—Выходит, или работать, контролировать или... может, Дудкину освободим—ей тяжело отвечать за цех и за столовую.

— Сам освободишь!—закричала Дудкина.—А только я завтра по столовой дежурить буду, выходной день использую.

И Дудкина положила начало комсомольским повседневным постам в столовых Резинкомбината.

Почти в один и тот же день—5 сентября—комсомольская бригада, обследовавшая столовую № 1, выяснила, что не во всем виновна столовая и что не только внутри самого цеха питания кроются причины плохого качества обеды.

Случилось это так. Фабзач Соколов прислал бригаде письмо, в котором, между прочим, указывал: «Хлеба, вместо 200 граммов, дается нам к ужину по 150 граммов».

Почему?

Бригада насадела на зава и помзавов, но они, несомневая, качаль головами:

— Не знаем. Быть может, случайно?.. Быть может...

Но бригада уже спрашивала хлебореза:

— Почему?

И хлеборез ответил:

— Смотрит!

Хлебореза работала спокойно, не торопясь. Она гудела, чуть-чуть потанцовывая на деревянной стойке, к которой ее приковали двумя болтами.

По жолобу, протянутому от хлеборезки, ползли как-будто одинаковые порции хлеба, но...

— Вы проверьте,—говорила хлеборез,—вес двух кусков хлеба, вы узнаете, что от первого куска до последнего различия в весе получается до пятидесяти граммов.

— Почему?

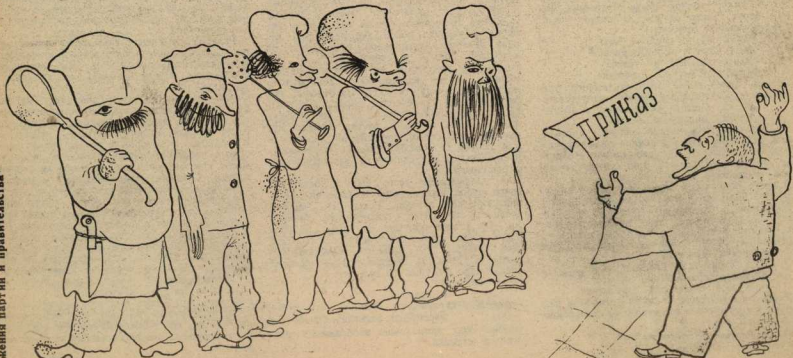
Хлеборез ответил одним словом: «механически».

Бригада, недолго думая, двинулась в механический отдел, для того чтобы обязать комсомольцев механической следить за грозвнжением заказов столовой и отвечать за качество работы хлеборезки. Комсомолы-слесари приняли вызов бригады «Космопольской правды». Три комсомольца механического цеха пришли в столовую, сняли хлеборезку, потащили ее в мастерскую.

Через несколько дней хлеборезка загудела вновь. Она работала быстрее, делая на два оборота в минуту больше, но, попрежнему на деревянной стойке она откладывала действительно одинаковые по весу ломти хлеба.

Фабзачи стали получать на ужин все продукты по полной норме. В столовой и механической заработал первый сквозной комсомольский контроль.

«Приписываю в басном порядке выполнить все распоряжения партии и правительства»

чей ПОЭТ МОСИФ УТКИН

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И всем им и в прозе, и в стихах нехватает таланта расказчика, что связано с неопределенностью их мировоззрения».

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС («О поэзии и социальном мелбурунгуаго социализма»)

В издательстве «Огонек» вышла книга стихов Иосифа Уткина под общим названием «Публицистическая лирика». Большинство стихов, помещенных в сборнике, написано на весьма актуальные темы. Здесь стихотворное выступление поэта на партаконференции, стихотворение, написанное к годовщине Октябрьской революции, стихи о вредителях, о войне и т. д. Факт повтора Уткина к темам злободневным, политическим безусловно положительны. Однако всем достаточно известно, что для нас основным моментом, определяющим социальную ценность всякого поэта, является его космология, мировоззрение, творческий метод. С этой точки зрения и следует рассматривать последнюю книгу Уткина.

Программным стихотворением сборника является «Песнь бодрости». Именно оно определяет позицию поэта. Уж не само название этого стихотворения ясна цель автора—внести в читателя бодрость. Намерение безусловно похвальное. Однако эту песнь бодрости скорее уместно было бы назвать «Песнь утверждения». Поэт обращается к своим друзьям, очевидно, упавшим духом со следующими успокаивающими словами:

Други, это не годится!
Чуть воюла на горизонте (!),
Вы сейчас не видите ниши,
Весла—к чурты и—за зонтик...

Нас интересует: кто они, эти «друзья»? К какому классу они принадлежат? Почему «друзья» повсюду носы собственны, неизвестно, ибо «воюла на горизонте»—обидно не страшно. Кроме того зонтик, как известно, защита от дождя, но не от войны...

Поэт серьезно убеждает не смеяться и не плакать. С житейской мудростью унылого философа он поучает:

Корит жинка мудреной смесью,
Пробуй все, центевал тонкий:
Не всегда мелкий месяц—
Есть и прачка и пеленки.

Здесь несколько смущает публицистический арсенал автора: для выражения идеальной мысли он употребляет пошлый ультра-мендаский образ «мелкий месяц», а самое худшее в мире—это «прачки и пеленки». Далее поэт все-таки старается утвердить бодрость напоминанием, что природа хороша, что еще существует

Столько девушек хороших
В нашем городе хорошем.

Но в паду уюора «быть бодрями», Уткин вдруг срывается и с выповитой улыбкой растерянно заявляет:

Весел я, но глупо думать,
Мой, поэт в веселом рвении
Вовек выкинул из трома
Грусть и мудрое сомнение.

Однако далее поэт, этого интимного признания он пытается все же «кончить веселого»:

Ну-ка, братцы, ки-па-тоу-ки!

Но, как говорится, «на испорченна»: основной лейтмотив стихотворения—«тихо, грустное сочувствие к ы-революционн «войнкой» уничтожено кое-как пристегнутой «веселой конопкой».

В итоге получается очень печальна. Чья это «Песнь бодрости»? Конечно не протариата. Характерно, что момент грусти с потерянном покое возникает даже в стихотворении на самые актуальные темы. Он является основным лозунгом. Например, в стихотворении о вредителях читает:

И, славу богу, в этом городе
Сквозняк гражданский прохватил
И мой очаг, мой горе-домик.

Здесь же самоуничижение поэта по поводу разрушения его очага «сквозняком» революции.

Через несколько строк автор провозглашает свое самоожертование:

И он (т. е. очаг.—В. К.),

Социализму на подстройку.

Этот тезис самоотвержения, сознания себя объектом, а не субъектом революции, объектом, совершающим большую жесткую нарушение своего покоя, красной нитью проходит через все сборник. Поэт примиряется с действительностью, заявляя:

Мы с личным счастьем
Подоб-дем
«Коммунистическим конструкциям»...

Такая характеристика современного периода завершения фундамента социалистической экономики, осесть мягко выражаясь, неуместна. Уткин до сих пор мучится вопросом, «а чем смысл жизни», и старается уверить себя в самоожертовании. Это ложное утверждение. Подлинному участию осуществления пятилетия в 4 года и в голову не придет заниматься самоуничижением по утерянному личному покою.

Но Уткин последователен. В стихотворении «Речь поэта на партаконференции» мы снова встречаем тоскливые вздыхания о лучшей жизни.

Нет, кроме жизни
И рабочих песен,
Пака, друзья,
нам вряд ли что дадут...

Рыжий Мотале, потрероженный бурным шествием революции, мелбурунгуаго бутарк, робко приемлющий новые времена, но сожалующий о своем потерянном личном счастье, печально унывает нам с каждой страницей «публицистического сборника. Его унылая физиономия выглядывает то из стихотворения «О вредителях», то из «Речи поэта на партаконференции».

Творческий метод Уткина остался неизменным. В «Пести о рыжке Мотале» он характерно тонким ироничным иризмом, добродушной иронией, тяготеет к отвлеченным образам, к дешевой красности. Мы помним, с какой любовью и упорством писал Уткин стихи о гитаре—этом символе мелбурунгуаго войны и уюта; мы помним, как ценна была независимость от коллектива (мне за былому мукой покой теперь хорош). «Нет, так нет!—прикажете плавать?»—эта строка являлась для поэта девизом, примиряющим его с действительностью.

Но в это время, когда была создана «Повесть о рыжке Мотале» и лирические стихи, Уткина все же считали революционным поэтом, ибо он шел с революцией. Однако современный этап социалистического строительства резко обострение классовых борьбы, классового мировоззрения, призыв ударников в литературу заставляют изменить подход к оценке творчества Уткина. На данном этапе революция закон, беспредельная лирика является реакционной, ибо уходит от классовых борьбы и строительства.

И так как творческий метод Уткина не изменился, в его изображениях действительности повсюду господствуют неясные, неопределенные, отвлеченные образы. Поэт избегает конкретности, говоря лишь «по поводу» фактов, а не о самих фактах. Между тем именно такой способ изображения характерен для поэтов с мелбурунгуаго мировоззрением. Отсюда же схематизм, примитивность, упрощенность.

Для иллюстрации всего этого достаточно взять любое стихотворение из сборника «Публицистическая лирика». Вспому о действительности говорится в отвлеченных символических терминах «сруб». В этом Уткин видит символ современного строительства. Войну Уткин называет «приротовой погодой», мировую пролетариат—«великий океан». Проступает он говорит:

Трудная и голубая
Мне страна
мерещится во мгле...

Чрезвычайно примитивны изображения участничкой стройки.

Пресловутый трансформационный и огнеупорный Локот и т. д., и т. д., свой суицидизм ударника ничего не сказал. Классовый характеристики людей Уткин не дает. Особою похвалительно в этом отношении стихотворение «О юности, о нас, об Октябре». В нем поэт похваливает классовых врагов, которые утерли нашу молодость от строительства классовым трелям, а про буржу пролетариата говорит: «Пусть будите тархитибная араб». Вместо ярой выраженной ненависти к ним, мы встречаем у Уткина добродушную ироничную улыбку классовых врагов, называя их... «юдаками».

Ах, чудак!
Он не понимает,
Что именно
теперь
и началась
борьба.

В ряде стихотворений Уткина пользуется своим излюбленным приемом: при изображении настоящего он сопоставляет его с прошлым. Но, к сожалению, прошлое в этих случаях заслоняет настоящее, о настоящем он в конце говорит лишь несколько малозначащих слов. Когда нужно сказать что-либо о настоящем, он выходящее. Сопоставим хотя бы на второе стихотворение «Воспоминание о прошлом». Здесь подробно говорится, как Размин «летит по Тверской» в ресторан «Яр» к мясочке Гале «на лебяжий альков». Этому посвящено почти все стихотворение, и лишь в конце несколько строк утвора Размину «образотворить». Классовый лиризм Размина Уткин, разумеется, не раскрыл, внимание читателя полностью закреплено на картине кутежа.

По этому же принципу построены и стихотворения «Борьба за правду» и «Разговор с женой». Последнее поемому не вошло в сборник, но напечатано газетой Ленинградского обкома ВЛКСМ «Смена» как образец личной халтуры. Половина стихотворения посвящена описанию драгунской страсти. «Други, взглядыте, смотрите в упор, и страсть выгибается в голосе шпор». Но вот эти строки использовала некую Анну и укасла в Вильно, оправдываясь: «Анна, прости, родина, долг... Анна осталась одинокой, и «от востановления» «востановления» ружий мут ре-ми-сон дворнической посыл».

Вторая часть стихотворения—противопоставление положительного отрицательному. Про нашу уюта Уткин говорит так:

Эпоха не думала нам давать

Больше всего нас удивило, что это стихотворение было помечено Уткиным «Буксир «Правды»». Сличком уж ярко оно выплывает из «борьбы» мировоззрения Уткина... Разве такие стихи не есть «самоубийство на бедность»?

Таков Уткин сегодня. От немощиго символизма к примитивной схеме—таков «размах» его творчества. При этом следует заметить, что художественное качество последних стихов Уткина весьма не высоко. Уткину следует серьезно задуматься над дальнейшими судьбами своего творчества. Ему необходимо заняться пересмотром своих творческих принципов, жесткой самокритикой, упорной работой над выработкой пролетарского мировоззрения.

Разумеется, в настоящее время нет ни одного критика, который бы всерьез назвал Уткина комсомольским поэтом. Ясно, что комсомольским можно называть только пролетарского поэта.

Однако до сих пор еще существует мнение, будто бы Уткин был когда-то комсомольским поэтом. Это досадная ошибка. Достаточно вспомнить критику Уткина «лирика» изданию «Огоньком», в которой собраны его лучшие стихи, чтобы убедиться в полной абсурдности утверждения, что он был комсомольским поэтом. Субъект лирики Уткина—мелкий буржуа, встревоженный революцией, в сентиментальной интуиции ответа на вопрос: «кого нам любить, кого проклинать?» В его стихах отсутствует четкая пролетарская классовая установка. «Мы любим дом, все любят нас—это наш традиционный лозунг Уткина («Гостеприимство» стр. 32). Мы встречаем в его стихах отставание права на самоубийство («Слова Есенину»), бесклассовый гуманизм («Песня о матери», «Гитара»).

Говорят, что Уткин был комсомольским поэтом, следовательно, неверно, ибо перенесенные мотивы его творчества глумятся над классовым комсомолом. Досадную ошибку не стоит повторять.

СМЕНА № 31

16

1 Мы по сохраним авторской раскладки.

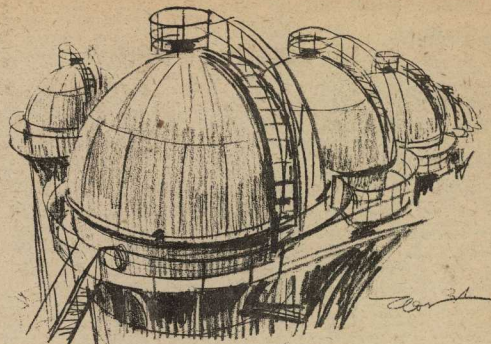

рис. п. чернило. кузнецкий завод наупера

С. Кирилло

„Нудрявые дни“ И. Кирилленко¹

События, описанные в повести, развертываются в период борьбы с объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией. Герой Никодим Гринюк — агитпроп райкома комсомола одного из районов Харькова. До этого он два года работал секретарем сельского райкома. Интеллигент, сын земского врача, романтик, по собственному определению. В городе он всего три месяца, он неудачливо, что всегда, когда вечер падает на улицы, Никодиму делается не по себе.

Его давит город. Убийственно безразличны толпы к нему... Пивные с их бесшабашным разгулом, грохот улиц — все это неумолимо и чуждо.

Постепенно Гринюком овладевает тупое безразличие. Активная борьба, которую он все время вел с оппозицией, его уже не захватывает.

«Все равно, оппозиция ли, большинство ли, а люди страдают, умирают, жизнь все равно (?) жистая. Узел противоречий завязан крепко, и как его разрубить?» — говорит он любимой девушке.

«Стечение обстоятельств» становится роковым для героя. Он пытается грубо овладеть любимой девушкой, она с ним поворачивает.

Гринюк сходится с соседкой Марьи, она оказывается бывшей контрразведчицей. Он начинает пьянствовать, его снимают с работы... Он хочет встретиться, но когда револьвер уж у виска, в комнату вбегает товарищ. Слезки, раскание, и Никодим снова возвращается к жизни.

Мы не будем останавливаться на художественных качествах повести. Образы надуманы. Язык невыразителен.

Но самое пристальное внимания заслуживают основные тенденции книжки.

Гринюк, работник деревенского райкома комсомола, попадает в город на руководящую работу. Он в исключительно здоровой товарищеской атмосфере. Он деятельен, развит, политически тверд. Где же лежит причина его внутреннего перерождения, где причина того, что влияние на него отрицательных сторон города, оказалось сильнее влияния всего того, что является сущностью

крупного пролетарского центра: кипучей трудовой деятельностью, активной политической жизни, сплоченного партийного и комсомольского коллективов? Причины, стало быть, заложены в самом Гринюке. Оставив на совести автора исторические корни гностики Гринюка, которые заключаются, очевидно, только в его интеллигентском происхождении, посмотрим, чем автор объясняет процесс перерождения. В оправдание психологического состояния Никодима автор устает Лазыко, организатора райкома — по повести твердокаменного большевика, — говорит: «Может в деревне тебе, действительно, было лучше... Там острота борьбы и недостаток культурных сил, поэтому работа приобретает ясные и четкие формы. А здесь, в городе, где всюду машины, где на каждой мелочи лежит отпечаток организованности и где в то же время много невнузок, конечно ты не выдержишь».

Почему Гринюк «вечное» должен был выдержать, да на остаете совершенно непонятным. Полное отсутствие самой элементарной логики! Но характерно, что Гринюк рассуждает точно так же. Возвращаясь из пивной, он думает: «К чорту такую жизнь! Пусть узнают обо всем. Пусть скорее снимают меня с работы и опять би в деревню! Там спокойн, просто и поинто. Там даже на гармошке лучше играют...» (стр. 95).

Таким образом в ортодоксальном организаторе Лазыко, устами которого говорит автор, и «разлагает» Гринюк: «да о и и как о в и и анализ влияния города на Гринюка. По автору город должен был оказывать разлагающее влияние самой своей сущностью».

У Гринюка нет никаких колебаний в политическом вопросе. Какое влияние на морально неустойчив, настолько политически тверд и несоколебим. И это в период жесточайшей политической борьбы с оппозицией! Возможно ли совмещение этих взаимно исключаящих друг друга тенденций в одном лице?

Совершенно очевидно, что это построение автора психологически не оправдано. Ни для кого не является секретом, что кадры оппозиции (а особенно молодежные) пополнялись

преимущественно людьми классово неустойчивыми, выходящими в периоды моральной депрессии, т. е. именно такими людьми, как Гринюк. «Благополучный» конец и возврат Гринюка в прежним здоровым устоям — неудачная попытка автора кое-как связать концы с концами, которая ничуть не изменяет основной линии повести и является сугубо искусственной.

Борьба партии с оппозицией, самая оппозиция поданы в чрезвычайно неверном, а подчас анекдотическом свете.

Оппозиционную группу района автор рисует трусливыми сборищем деклассированных интеллигентов, пугающими чуть ли не каждого шороха.

Секретарь партячейки фабрики Ломов говорит: «Я ж и говорю, все бы хорошо к десятой годовщине, да вдруг земля треснула, и черт оппозицию выдувает» (стр. 8). И, действительно, вся оппозиция в книжке показана в виде чортика, выскакивающего из «ящика с сюрпризом». Классовые корни оппозиции, ее антипролетарская сущность разоблачены автором недостаточно.

Более того, самый показ оппозиционных выступлений подан в недораз освещении, и в ответ на реч оппозиционеров, выступающих с определенными тезисами, мы не находим почти ни одного связанного разоблачения.

Автор излагает речи оппозиционеров, содержащих обвинения против партии, но не дает их опровержения по существу, ограничиваясь только гневными и угрожающими выкриками собрания.

Давать в сжатом виде концепцию оппозиции и не подвергнуть ее резкой критике по существу — недолугостию и граничит с явной пропагандой платформы троцкистско-зиновьевского блока.

Остается только поразиться тому, что эта книжка увидела свет.

Изображение внутрипартийной борьбы подано в таком освещении, что у читателя складывается не только неверное представление о сущности объединенной оппозиции и об истории борьбы с ней, но создается иллюзия о том, что победа над оппозицией далась партии без всяких усилий. Такое представление не только не мобилизует бдительности и политической зоркости, но дезорганизует читателя.

Таким образом как основные тенденции в изображении процесса перерождения Гринюка, так и склад общей политической обстановки поданы неверно, и поэтому книга Т. Кирилленко является политически вредной.

¹ Повесть. Авториз. пер. с украинского П. Зенкевича. Изд. «Молодая гвардия», серия «Новинки украинской комсомольской литературы», 1931 г., тираж 5 000, стр. 160, ш. 1 р. 10 к.

„Вооружение завода“

М. гольдберга

6. Михайлов

Много ругали серию «Страна должна знать своих героев», издаваемую «Молодой гвардией».

Хватура на многих из этих книг поставила свой штамп. Обычная схема книжки о герое труда проста: «на заводе прорыв», сухо и глянцевито, общими фразами рассказывает об одном из участников ликвидации аварии. Все это повествование насыщено общими биографическими фактами об ударе.

Серия плохо выполняла лозунг партии о почете героев. Она оповещала это лозунг, по-толку забыв о качестве. Издательство не работало с авторами.

Книжка Михаила Гольдберга «Вооружение завода» — первая хорошая книжка в этой серии.

Читатели знают Мих. Гольдберга по очеркам в «Смене» и «Молодой гвардии» и «Правде». В книжке «Вооружение завода» пять очерков. Три об Ассестере, один о Подомосковском угольном бассейне и один о бытовом коллективе комсомольцев завода «Мосалестем». Во всех очерках показывается работа комсомольцев в конкретной производственной обстановке.

Гольдберг умело владеет материалом, улавливая движущую силу изображаемого процесса. Общая идея очерков — ответственность комсомольцев за все строительство, за все производство в конкретной производственной обстановке.

Особенно ярким это показано в очерке «Вооружение завода». Комсомолец Боготоваров —

станочник, но он чувствует свою ответственность за все участки строительства. В «Правде» печатались сводки о прорыве в Сталинградском фронте. Боготоваров вырезал их и наклеивал в особую тетрадь. Еще не было сказано: не повторять ошибок Сталинграда. Боготоваров лишь догадывался о тяжелом уроке, который давал стране завод, создавший слово «станкомол».

Затем Боготоваров начал помогать организации строительства Протехкомбината, которое безобразно загибалось. Курсыки не получили в срок учебного знания. И вот они решили своими силами начать эту работу. Боготоваров назначили командиром штурмового батальона.

Про рабочую работу комсомольца Гольдберг рассказывает просто, без вычурности, без ложного пафоса и громких фраз. Не было камня для стройки, так как нехватало порожняка и рабочей силы.

«Тогда Боготоваров выходит в соседнюю комнату и вызывает по телефону комсомольца из отдела снабжения».

— Десять вагонов будущего камня... орет он в трубку. — Я тебе говорю, что порожняка будет... Я говорил с Царевским... Грузить? Грузить будем сами».

Этот эпизод описан с предельной лаконичностью, но вместе с тем с большой силой. Весьма интересен очерк «Первые покупатели». Комсомольцы коммуны, рабочие арматурного двора Асторка, сделали первую заявку на автомобиль. Коммуна создала специальный фонд для покупки его. Маруся Шенгера «отстандартно культурно-развлекательную роль» автомобиля. Другие коммуны считали, что если уж использовать автомобиль, то по линии производственной».

Далее, в очерке показывается ударная героическая работа комсомольцев-коммунаров на монтаже в сильные морозы. Стройка нуждалась в стройматериалах, и комсомольцы от-

казались от лесов, избирая на конструкции с акробатической ловкостью. В очерках нет лакировки действительности. Показаны и безалаберщина, и бюрократизм, и несправедливость, еще не уничтоженные на строительстве окончательно. Но показаны борьба здоровых тенденций с остатками старого и победа коммунистического отношения к труду.

После монтажа коммуны в порядке суббота. Ожидается три часа на черной работе. К ним подошли комсомольцы, работающие на прорыве в литейном.

— А, копаетесь еще... сыплет они иронически замечаниями... а мы уже давно отработали».

Черные слеповки вполне брошены на голые литей. Ребята стоят, сложив руки на груди, спихивательно поглядывая на возню товарищей.

— А вы бы помогли! — бросает в их сторону Машинистов.

— Мы сами сделали, довольно с нас. Несколько минут пригнине из литейной наблюдают. Потом один отделяется от группы, сбрасывает спеловку и как бы невзначай берет лопату. Лениво сбрасывают спеловку и другие, третий... — Дамьш».

Во всех очерках комсомольцы показаны как члены первого коллектива. Именно в этом аспекте дана Гольдбергом и Боготоваров, и Ньюшечкин, и героическая девушка Шварцманская работа, присланные с заводом московского комсомола и захваченным комитетом комсомола и захваченным комитетом в шахтах до конца пятилетия.

Слабые другие очерки «Конвейер жизни», в котором рассказывается о жизни комсомольской ячейки. Он страдает рассудочностью, общими фразами о коллективизации. Однако в общем перед нами несомненно удачная книжка талантливого комсомольского очерчника.

СОРОКИНЦЫ

Ф. Швецов

Коммуна Сорочкина всем известна на строительстве инженергородского автоганта как одна из лучших коммунал, завалая.

— Мы не уйдём из палаток до тех пор, пока не закончим строительство дереводелочного цеха к сроку, и, если потребуются, будем работать круглые сутки.

На завалив коммунары, когда им предложили перейти в барак в связи с наступающим хоздумом.

В самый разгар стройки сорочкинцы работали по шестнадцати часов в сутки и так продолжали работать почти целый месяц, зная, что на всем строительстве автоганта большая недостача в рабочей силе и что, несмотря на это, строительство автоганта должно идти наиболее быстрыми темпами.

И в тот момент, когда для производства работ нехватало материалов, сам Сорочкина без труда приходил в контору прораба и настоятельно, от имени всего коммунал, заваливая.

— Арматура осталась всего только на поддоне... Ребята остаются без дела... Этого допустить нельзя... Во что бы то ни стало надо доставить необходимое количество стройматериалов.

И когда прораб спокойно отвечал, что недостача стройматериалов зависит лично не от него, что это вообще трудность в стройматериалах, такой холодный ответ бросил Сорочкина, и они метались от начальника к начальнику, от инженера к главному инженеру, искала удовлетворительного ответа на свой большой вопрос, чтобы потом прийти к коммунал и кратко сообщить: «Есть, ребята! Были периоды, когда действительно стройматериала не хватало, и никакими мерами ликвидировать этот недостаток не удалось. В эти моменты коммунары падали духом».

Здоровый, рослый, широколицый парень Власов, когда все собралось в палатке для обсуждения тревожного факта, с негодованием кричал про хойзистенников:

— Совершенно ясно это? Вредительство! Негодували и остальные. В этот момент в палатку дверь платки, согнувшись, вошел молодой инженер Корчагин, хороший друг коммунал.

— Ничего, ребята, не падай духом... Помодем...

Ингода инженер Корчагин, с карандашом в руке, усад некоторых ребят уминок и делить дробь на дробь, объясняя все до мельчайших подробностей. Коммунары уважали его и никогда не скрывали от Корчагина своих наболевших вопросов. Корчагин внимательно выслушивал, разберет, в чем сущность дела, жадно усваивает и прикручивает голову, и смело скажет: «А ну-ка, ребята, кто из вас бетонировать может? Бетончиков нехватает! Дело задерживается! Ребята перелангуются себе собой, и у каждого уже в глазах вода: «Айа, ребята!»

В сентяе сорочкинцы выполнили производственную программу на 180%. Осенью 30 года строительство дереводелочного цеха на автоганте было закончено раньше намеченного срока на три дня, несмотря на ряд серьезных препятствий, как нехватка в рабочей силе, несовершенство подачи на строительную площадку необходимых материалов.

Ока только шумела от холода, и последние сухие листья, срываясь с деревьев, кружились походу над пенцинами волнами. В гавани Оки стояли еще не разгруженные суда с гравием и бутом. Вернувшись в девятом часу вечера с работы, после ужина коммунары уселись по койкам вокруг врученного им трудового знамени и дружно обсуждали текущую политику начал проводить очередное занятие.

Все шло спокойно. В половине одиннадцатого в барак запахивались вбежал с тревожным выражением лица десятник гавани Клинов.

— В чем дело? — не дожидаясь его слов, торопливо спросил, вставая со скамьи, Сорочкина.

опечатки, допущенные по вине типографии в журнале № 6 М. Б. 34-35

Напечатано:

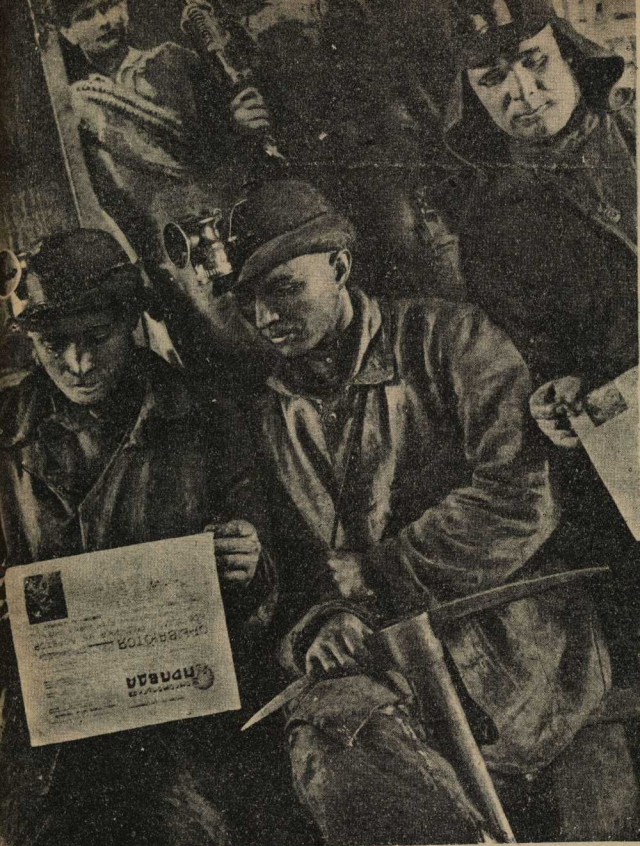
Классово-враждебная литература (13 стр.)

Значительная доля произведений о комсомоле не на уровне классов: 8 (24 стр.)

Надо:

Классово-враждебная литература

Значительная доля произведений не на уровне вселюдейной классовой практики

комсомольские и пионерские газеты и журналы

Комсомольская Правда

Ежедневная массовая газета.
Орган ЦК и ВЛКСМ.
На 1 мес. — 75 к.
На 3 мес. — 2 р. 35 к.
На 6 мес. — 4 р. 70 к.
На 12 мес. — 9 р. 40 к.
Цена отд. номера 3 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Пионерская Правда

Ежедневная газета пионер в школьничков.
Орган ЦК ВЛКСМ и ЦК пионеров.
(Выходит черта дом).
На 1 мес. — 20 к.
На 3 мес. — 60 к.
На 6 мес. — 1 р. 20 к.
На 12 мес. — 2 р. 40 к.
Цена отд. номера 2 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Смена

Массовый иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи.
Выходит два раза в месяц.
На 1 мес. — 50 к.
На 3 мес. — 1 р. 50 к.
На 6 мес. — 3 р. — к.
На 12 мес. — 6 р. — к.
Цена отд. номера 20 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Пионер

Пионерский литературно-художественный иллюстрированный журнал.
Выходит два раза в месца.
На 1 мес. — 35 к.
На 3 мес. — 1 р. 05 к.
На 6 мес. — 2 р. 10 к.
На 12 мес. — 4 р. 20 к.
Цена отд. номера 15 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Юный коммунист

Руководящий политико-теоретический двухнедельный ЦК ВЛКСМ.
Журнал рассчитан на руководящий комсомольский актив.
На 1 мес. — 50 к.
На 3 мес. — 1 р. 50 к.
На 5 мес. — 3 р. — к.
На 12 мес. — 6 р. — к.
Цена отд. номера 25 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Интернациональный молодеж

Орган ИККИМ и ЦК ВЛКСМ.
Двухнедельный журнал интернационального воспитания молодежи и международного родного юношеского движения.
Рассчитан на широкий комсомольский актив.
На 1 мес. — 50 к.
На 3 мес. — 1 р. 50 к.
На 6 мес. — 3 р. — к.
На 12 мес. — 6 р. — к.
Цена отд. номера 25 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

Вожа

Журнал детского актива. Выходит 2 раза в месца.
На 1 мес. — 15 к.
На 3 мес. — 45 к.
На 6 мес. — 90 к.
На 12 мес. — 1 р. 80 к.
Цена отд. номера 8 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 1932 год
открыта подписка
НА

Издательство ЦК ВЛКСМ (б) «Правда» сектор «Комсомольская Правда»

Подписка принимается на почте, письмомосцами, ячеевыми работницами по комсомольской печати, уполномоченными «Комсомольской Правды» и пикетчиками «Пионерской Правды»

Каждый комсомолец, каждый молодой рабочий должен читать свой журнал

СМЕНА

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

СМЕНА

массовый иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи.

СМЕНА

в 1932 году выходить в увеличенном объеме и будет оформляться лучшими художественными силами.

СМЕНА

показывает в строительстве социализма лучших ударников, комсомольцев и передовую рабочую молодежь.

СМЕНА

отображает классовую борьбу рабочей молодежи в империалистических странах и колониях.

СМЕНА

освещает актуальные проблемы культуры и быта всех национальных республик и областей СССР.

СМЕНА

почтует лучшие рассказы стихи и очерки пролетарских писателей и ударников, арзаманных в литературу.

СМЕНА

будет ставить проблемы творческого метода и знакомить своего читателя с литературной политикой партии и комсомола.

СМЕНА

в 1932 году проведет ряд новых отделов, где будет освещать последние достижения науки, техники и искусства.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год — 6 р.
На 6 мес. — 3 р.
На 3 мес. — 1 р. 50 к.
На 1 мес. — 1 р. 50 к.
Отдельный № — 25 коп.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях,
у письмоношцев и ячеевых работников по печати